

Содержание

Введение.....	3-6
Глава 1. Теоретические основы исследования	7
1.1. Ученый с мировым именем и уникальная личность широкого культурного диапазона	7-16
1.2. Литература с главенствующим документальным началом: проблема терминологии и специфика жанра.....	17-27
1.3. Интеллигенция как феномен русского общества	28-47
Глава 2. Анализ романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»	48
2.1. Жанровое своеобразие романа – идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».....	48-58
2.2. История страны и судьбы представителей русской интеллигенции XX века: иноэтничный, культурно – бытовой и фольклорные контексты романа.....	59-75
2.3. Преломление научных интересов А.П. Чудакова в романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени»	76-82
Заключение	83-88
Список литературы	89-96

ВВЕДЕНИЕ

Александр Павлович Чудаков - знаковая фигура для отечественной филологической науки второй половины XX века – начала XXI века. Помимо научной одаренности А.П. Чудаков обладал и художественным талантом: его книга «Ложится мгла на старые ступени», жанр которой обозначен автором как роман-идиллия, высоко оцененная читателями и критиками, признана решением жюри конкурса «Русский Букер» лучшим русским романом первого десятилетия нового столетия.

Цель нашей магистерской диссертации – анализ книги А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» и обоснование определения «энциклопедия людей, вещей, ситуаций эпохи» или энциклопедия жизни русской интеллигенции XX века.

В связи с этим необходимо решить следующие **задачи**:

- изучение научных трудов А.П. Чудакова и обобщение литературно-критического материала, касающегося научного наследия, биографии и художественного творчества А.П. Чудакова;

- раскрытие понятия «интеллигенция», особенностей русской интеллигенции и выявление характерных черт интеллигентного человека в портретах героев романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»;

- выявление своеобразия художественной формы (жанровой специфики) и глубины содержания романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

Поставленные цель и задачи определили **структуру исследования**: работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка из 80 источников.

Теоретическая глава представлена биографией А.П. Чудакова, его творческим и научным наследием. Выдающийся филолог проявил себя еще и как одаренный писатель: в 2000 году он дебютировал в качестве прозаика с единственной книгой «Ложится мгла на старые ступени».

Автобиографический материал – стержень произведения. Роман относится к литературе из разряда нон-фикшн. Чтобы определить специфику повествовательной формы романа, его стиль, мы обратились к литературоведческим работам, посвященным произведениям документально-художественного типа. В параграфе 2 рассматриваются проблемы терминологии и специфики жанра литературы с главенствующим документальным началом. В параграфе 3 представлены материалы, связанные с изучением социально-культурного феномена как интеллигенция.

Во второй главе представлен анализ романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Параграф 1 посвящен выявлению жанрового своеобразия романа-идиллии. В параграфе 2 в историческом, иноэтническом, культурно-бытовом и фольклорном контекстах анализируется изображение различных сторон жизни русской интеллигенции XX века. В параграфе 3 рассмотрено преломление научных интересов А.П. Чудакова в романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени».

Объект нашего исследования – роман-идиллия А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», **предмет** – энциклопедизм как принцип изображения судеб интеллигенции в автобиографическом повествовании А.П. Чудакова.

В ходе нашего исследования были использованы **методы**:

- комплексный;
- историко-культурный;
- биографический.

Методологические основы работы: при написании данного исследования мы опирались на литературоведческие работы: Местергази Е.Г., Гинзбург Л.Я., Палиевского П.В.; литературно-критические статьи, авторами которых являются друзья и коллеги А.П. Чудакова: А. Немзер, И. Сурат, Ю. Манн, В. Паперный, А. Долинин, С. Бочаров, Л. Соболев, Ю. Чумаков, Д. Рейфилд, Ю. Щеглов. Они говорят об особенностях личности

А.П. Чудакова, его научном наследии, романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени». Роман-идиллия также рассматривается в рецензиях, отзывах, статьях Р. Фрумкиной, Н. Елисеева, А. Марченко, А. Жолковского, П. Вайля, И. Булкиной, Р. Лапушина, А. Степанова.

Памяти А.П.Чудакова посвящена единственная книга о нем: «Александр Павлович Чудаков. Сборник Памяти», вышедшая в 2013 году. В первой части сборника мы находим биографию А.П. Чудакова, написанную его женой и литературоведом, профессором М.О. Чудаковой и И.Е. Гитович, а также фрагменты из дневников, записных книжек, писем, записей разговоров с великими филологами, книгу стихотворений, составленную для друзей и близких. Во второй раздел «Память» вошли статьи об А.П. Чудакове, написанные его коллегами и друзьями.

Учебное пособие Б.А. Ланина оказывает неоценимую помощь к адаптации данного материала в школьном преподавании литературы.

Анализ романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» дает широкое представление о человеке XX века в историческом, социальном и культурном аспектах, что говорит о высокой актуальности нашего исследования. **Новизна исследования** – в целостном рассмотрении мира научных интересов А.П. Чудакова и романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени». **Актуальность исследования** – в особом научном внимании современного литературоведения к метажанру документально-художественной прозы (литература non-fiction).

Научно-практическая значимость магистерской диссертации определяется возможностью использования ее материалов и выводов для дальнейших исследований в области литературы, в частности, научного и творческого наследия А.П. Чудакова. Помимо этого, данная работа может быть применена учителями-словесниками при подготовке к урокам литературы, посвященным жизни и творчеству А.П. Чехова, а также при изучении романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» на уроках внеклассного чтения, при составлении элективного курса по современной

русской литературе; студентами-филологами при подготовке к занятиям по курсам современной русской литературы, русской литературы XIX века, литературоведения.

Краткие выводы по работе: по теме исследования было подготовлено две статьи - «Произведение А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» как роман-идиллия» (участие в работе XIX Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века»); «Тема репрессий в романе-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (опубликовано: Всероссийские с международным участием научные Далеvские чтения молодых исследователей: материалы XV чтений, посвященных памяти В.И. Даля. Канск 22-23 ноября 2018 г. / С.В. Науменко (отв. ред.); ред. кол.; Краснояр. гос. пед. унив. им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – Т.2. – 312с.)

Глава 1. Теоретические основы исследования.

1.1. Ученый с мировым именем и уникальная личность широкого культурного диапазона.

Александр Павлович Чудаков – филолог с мировым именем, замечательный исследователь творчества Чехова, специалист по русской классической прозе, доктор филологических наук, преемник академических традиций филологии, писатель, критик.

С выбором будущей профессии А.П. Чудаков определился еще в детстве. Приехав в Москву в 1954 году для осуществления своей мечты из дальнего Щучинска Казахской ССР, Александр Павлович сразу поступил в МГУ на филологический факультет, не взирая на огромный конкурс.

В 1960 году закончил филологический факультет МГУ, и сразу же первый научный опыт А.П. Чудакова обратил на себя пристальный интерес. За дипломную работу, выполненную А.П. Чудаковым на филфаке МГУ под руководством академика В.В. Виноградова, будущий ученый был награжден премией московского комсомола. С 1959 года А.П. Чудаков начал печатать работы по истории русской литературы в журналах «Новый мир», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение».

После МГУ была аспирантура, с 1964 года работа в Институте мировой литературы, преподавание в МГУ, Литературном институте, МГПУ, РГГУ. Доктор филологических наук (1983). После 1987 года читал курс русской литературы в качестве визитинг-профессора в Гамбургском, Мичиганском, Милдбери, Лос-Анджелесском, Принстонском университетах, Институте иностранных языков в Сеуле.

Ученому была свойственна «полная погруженность в науку, как в жизненное дело. «Серьезен и ответственен он был во всяком деле, любой научный вопрос для него жизненно важен и он готов обсуждать его сколько угодно и где угодно» [Сурат, 2005].

Лучше всего Александра Чудакова характеризуют его собственные слова: «Я могу перепечатать сейчас - и когда угодно потом - каждую свою строку, и мне не стыдно ни за одну!» [Чудаков, 2013, с.62].

Научный профиль А. П. Чудакова определился во многом благодаря влиянию лучших идей русского академического литературоведения, его учителя В. В. Виноградова и традиций русской формальной школы (ОПОЯЗ) в лице Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума.

А.П. Чудаков является одним из крупнейших в стране исследователей творчества Антона Павловича Чехова, работы Чудакова принесли ему известность не только в нашей стране, но и далеко за рубежом. Лучшие труды о Чехове – его пера: «Поэтика Чехова» (1971, английский перевод 1983); «Мир Чехова: Возникновение и утверждение» (1986), «Антон Павлович Чехов: книга для учащихся» (1987), «Чехов в Таганроге». Ученым опубликовано множество статей об А.П. Чехове. Чудаков А.П. выступал ответственным редактором сборников: «Чеховский сборник» (1999), Чеховиана. «Три сестры». 100 лет» (2002), Чеховиана. «Чехов и «серебряный век» (1996), также литературоведом составлены сборники произведений А.П. Чехова (1980г., 1984г). А.П. Чудаков являлся членом Союза Писателей СССР (1977), членом редколлегии журналов «Новое литературное обозрение» и «Чеховский вестник», состоял в Международном чеховском обществе (1989), входил в состав жюри Букеровской премии (1995).

Труды А.П. Чудакова — особое явление в отечественной науке о литературе, о классике до него никто так не писал. Ученый о сложном умел рассказать просто при доскональном знании предмета. Наиболее скрупулёзно А.П. Чудаков исследовал предметный мир чеховской прозы.

На вопрос, почему он выбрал Чехова, А.П. Чудаков отвечал: «Чехов один из тех немногих писателей, которого интересовали все стороны жизни. В отличие, скажем, от Достоевского, который может в беседе Ивана и Алеши

на тридцати страницах ни разу не упомянуть о предмете, где сидели, кто встал, кто что-то поел и т.д., у Чехова это совершенно невозможно. То есть он включает своего человека в предметный мир в каждый момент его жизни. И скажет, какие у него галоши и кто в это время проходил... И надо сказать, что вот этой чеховской философии предметного мира, мне кажется, вообще принадлежит будущее» [Соболев, 2005].

А.П. Чудаков дал важный импульс чеховедению, благодаря его работам «творчество и жизнь Чехова приобрели совершенно новое измерение и у нового поколения литературоведов и биографов появились актуальные задачи — им пришлось заново взглянуть на многое из того, что они находили в архивах... и в собственном сознании» [Рейфилд, 2006].

Многие утверждения, которые А.П. Чудаков сделал в этой работе, а также в своем следующем исследовании "Мир Чехова: Возникновение и утверждение" 1986 года, не были бесспорными, но при этом эти формулировки определили путь развития чеховедения на многие годы вперед.

В книге 1971 года проявились некоторые важнейшие для А.П. Чудакова темы: это, прежде всего, структура авторского повествования и предметный мир. И подлинным открытием, перевернувшим наши представления о Чехове, была глава «Сфера идей». То, что Чехов безразличен к высказываемой идее персонажа, но не безразличен к тому, в чем состоит подлинный смысл (идея) существования героя, было настолько необычно, что даже сейчас, когда это суждение уже вошло (часто без ссылки на А.П.) в несколько книг о Чехове, оно далеко не всем понятно и не всеми принято» [Соболев, 2005].

«Динамическая конструкция литературного произведения, меняющееся соотношение разных его компонентов, идея единого «конструктивного принципа», пронизывающего разные аспекты повествования, генезис

и эволюция жанра – эти отчасти знакомые по работам русских формалистов понятия находятся в центре первой книги А. П. «Поэтика Чехова» (1971). Молодой ученый дает им новые и разветвленные применения, основываясь на конкретном материале – творчестве Чехова. В первой части исследуется эволюция речевых форм писателя, более конкретно – соотношение различных «голосов», или «точек зрения», в общем балансе повествования на разных этапах его творчества. Здесь интересы А. П. Чудакова естественным образом смыкались с некоторыми из направлений тогдашнего советского структурализма (см., в частности, почти в тот же год вышедшую «Поэтику композиции» Б. А. Успенского на практически ту же тему), но несвязанность формальным ригоризмом этой школы, равно как и редкостная научная пронизательность, позволили А. П. достигнуть небывалой глубины в формулировке своеобразия чеховского повествовательного метода» [Щеглов, 2006, с. 578].

«Общее направление эволюции Чехова представляется ученому как неуклонное движение в сторону «объективности», т. е. сокращению доли авторского и повествовательского вмешательства в пользу голосов (сознаний, точек зрения) различных персонажей, как реальных, так и гипотетических, «теневых». Важным достижением была демонстрация того, как «объективизация» реализуется на разных уровнях текста (повествование, пространственная организация, пейзаж, интерьер, портрет), становясь, таким образом, одним из структурных инвариантов Чехова и основой того, что уже современники отметили как своеобразный «чеховский стиль». Исследование истории «объективной манеры» позднего Чехова, равно как и выявление основного инварианта его повествования на всех этапах (каковым, по Чудакову, является «конкретное воспринимающее сознание», реализуемое в различных, меняющихся по ходу эволюции облициях) – по своей технической точности, глубине и богатству обнаруживающейся системы не имеет параллелей в чеховедении и остается непреходящим вкладом А. П. в науку о Чехове. Кстати говоря, это тот аспект

творчества Чехова, который мало замечается западной славистикой, где, как видно, еще царит высказанный некогда Д. Мирским взгляд на чеховский язык как «бесхитростный», бесцветный, лишенный стилистических приемов. (Исключение – крупный чеховед Д. Рэйфилд, кратко излагающий чудаковскую концепцию в своей недавней книге «Понимание Чехова» [Щеглов, 2006, с. 578-579]).

Во второй части «Поэтики» Чудаков исследует принципы изображения предметного мира у Чехова. Мир вещей, роль его в организации художественных миров постепенно становятся одним из ведущих интересов ученого (именно об этом сделал он доклад в то памятное для меня вермонтское лето). Во второй части «Поэтики» он обращается к одной из главных чеховских «загадок», которую критики пытались разрешить с самого начала известности писателя, – проблеме так называемых «случайных», «лишних» и «немотивированных» элементов (деталей описания, сценических реплик, сюжетных моментов). Над целью их задумывался и каждый внимательный читатель. Вывод автора о «случайностной целостности» чеховского мира – как вещного, так и психологического – и здесь оригинально разрабатывается и распространяется на разные аспекты структуры. Рассуждения автора на эту тему, увлекательно изложенные, явно вызывают на размышления и споры, и ученый, видимо, чувствуя это, вернулся к ней и углубил свои выводы в последующих работах. [Щеглов, 2006, с. 579].

Еще более обширные пласты современной Чехову, а ныне забытой литературной и критической продукции вскрыл А. П. Чудаков в другой фундаментальной работе о Чехове – «Мир Чехова» (1986) [Щеглов, 2006, с. 579].

В этой книге важнейшим станет изучение творчества Чехова на фоне «массовой литературы»; здесь «продолжение первой книги, выявляющее генезис и эволюцию чеховских жанров на фоне современной «малой»

литературы – главным образом юмористической журналистики, каковую А. П. впервые в столь массовом масштабе вводит в научный и читательский обиход» [Щеглов, 2006, с. 579].

Таким образом, ключевой идеей исследователя, высказанной еще в книге «Поэтика Чехова» и развитой в книге «Мир Чехова», — является утверждение, что в художественном мире Чехова властвует случайностный принцип: предметные детали подбираются не для иллюстрации некоей идеи, не для выражения очевидного смысла, а для создания иллюзии естественности, невымысленности, нескладности рассказов и повестей. Эта же случайность — и в выражении авторской позиции, какую-то важную грань которой может высказывать персонаж, далеко не во всём симпатичный автору; и в отборе событий (многие произведения Чехова производят впечатление бессобытийных — столь заурядно то, что в них происходит). И, наконец, вроде бы незначима или второстепенна в зрелой прозе Чехова социальная принадлежность персонажа: он одновременно “человек вообще” и конкретная личность и только в последнюю очередь врач, учитель, помещик или священнослужитель» [Рачин, 2007].

Утверждая, что случайность является конструктивным принципом чеховской прозы, автор «Поэтики Чехова» и «Мира Чехова» отнюдь не считает этот принцип самоценным. Чехов создаёт «ощущение равномерности авторского внимания между вещным и духовным» [Рачин, 2007].

Еще одна книга А. П. Чудакова о Чехове – это маленькая биография писателя «Антон Павлович Чехов: книга для учащихся» (1987). Возможно, это одна из лучших литературных биографий на русском языке. Здесь нет теории, нет филологического аппарата, нет напрямую высказываемых идей и нет массы малоизвестного, впервые вводимого в обиход литературно-критического материала. Вернее же – все это есть, но находится не на виду,

а спрятано, органически спаяно с чрезвычайно плотным биографическим и бытовым повествованием. [Щеглов, 2006, с. 580].

Особый интерес литературовед проявлял к предметному миру прозы русских классиков. Предметному миру А.П. Чудаков посвятит свою книгу - «Слово-вещь-мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков». Статьи о русских классиках, составивших первый раздел этой книги, можно назвать конспектом исторической поэтики русской литературы XIX века. Во втором разделе книги речь идет о теоретических работах великих предшественников ученого -- В.Б. Шкловском, А.А. Потебне, учителе А.П. Чудакова академике В.В. Виноградове: под его редакцией вышла «Поэтика Чехова», его же памяти посвящен «Мир Чехова».

Литературоведом были написаны статьи, посвященные поэтике А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, а также статьи о выдающихся филологах: В.В. Виноградове, А.А. Потребне, В.Б. Шкловском. Работы о поэтике русских классиков и об ученых, опубликованные в периодической печати и сборниках с 1973 г. по 1990 г. вошли в книгу А.П. Чудакова «Слово-вещь-мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков».

Важным ответвлением научного творчества А.П. Чудакова явились его комментарии к творчеству А.П. Чехова и к работам выдающихся филологов Ю. Н. Тынянова, В. В. Виноградова, а также мемуарные записи о крупных деятелях культуры и ученых (беседы с В. Б. Шкловским, воспоминания об аспирантских годах под руководством академика Виноградова и др.).

А.П. Чудаков совместно с М.О. Чудаковой и Е.А. Годесом подготовил издание сборника Ю.Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино» и комментарии к нему. То, что Ю.Н. Тынянов в нашем теоретическом мышлении сохраняет столь значительное место, мы обязаны во многом в том

числе и Чудаковым, поскольку с 1982 года каждые два года проводятся Тыняновские чтения.

Кроме того, А.П. Чудаков – ответственный редактор нескольких томов «Избранных трудов» В.В. Виноградова: «О языке художественной прозы», «Поэтика русской литературы», «Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя», один из авторов комментариев к ним. Литературоведом написано предисловие к книге В.Б. Шкловского «Гамбургский счет: Статьи-воспоминания-эссе (1914-1933)».

Ученому принадлежит также несколько серьезных статей о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», а в последнее время А.П. Чудаков загорелся идеей «тотального комментария» к Пушкинскому роману. В 2005 году в «Пушкинском сборнике» была опубликована его статья под названием «К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина».

Замечательные воспоминания о С.М. Бонди, В.Б. Шкловском, В.В. Виноградове выросли из записей их рассказов об их эпохах. Александр Павлович являлся как бы связной нитью между разным временем эпохи. Из этого замечательного цикла появилась книга, отпечатанная в Сеуле в количестве всего 10 экземпляров «Слушаю. Учусь. Спрашиваю. Три мемуара» (Сеул, 1999). Книга воспоминаний об уже перечисленных известных филологах, дополненная такими именами, как М.М. Бахтин и Л. Гинзбург, - замысел А.П. Чудакова, который он также не успел осуществить.

В последние годы перед нами открылась еще одна грань таланта А.П. Чудакова – дар автора прозы, основанной на собственных воспоминаниях, рисующей жизнь российской глубинки в сороковые годы XX века. Главная книга писателя была опубликована в 2000 году в журнале «Знамя» (№ 10-11). Отдельной книгой роман «Ложится мгла на старые ступени» вышел в издательстве «Время» в 2012 году в количестве 5000 экземпляров и был продан в три рабочих дня. Случай феноменальный. Щеглов отметил, что в

прозе А.П. Чудакова отложилась «история прожитого времени и характер нашего народа; читая ее, мы яснее видим источники литературоведческих интересов автора, понимаем его интерес к духу прошедших времен и желание извлечь из Леты частицу массовой культуры прошлого...» [Щеглов, 2006].

Роман «Ложится мгла на старые ступени» вырос из прежних работ А.П. Чудакова. Здесь прослеживается то же внимание к предметному миру, что отчетливо звучит в книгах о Чехове, статьях о Гоголе, Достоевском, Толстом. Здесь та же сосредоточенность на детстве - как важнейшем этапе формирования личности. Эта тема не раз возникавшая в теоретических трудах А.П. Чудакова и обусловившая построение его адресованной школьникам книги «Антон Павлович Чехов» (1987). В этой книге автор ненавязчиво приводит к выводу: без этого детства (треть книги посвящена таганрогскому хронотопу жизни Чехова) Чехов не стал бы Чеховым, в детстве-отрочестве-юности писателя ученый видел зерно его личности и творчества.

Есть еще одна сфера, где деятельность А.П. Чудакова была особенно ценна, — педагогическая. Как сказал сам А.П. Чудаков в передаче 2002 года, «школьникам нужно давать самые великие образцы. <...> Нужно показать детям, что вообще бывает великого в литературе. Даже если они из этого поймут очень немного. Вот это ощущение величия поэзии данного поэта, вот это первое, что им должно, что им нужно внушить. А постепенно они увидят, что есть, что бывает и как это. Они потом постепенно поймут. Главное, чтоб они начали читать» [Экология литературы, 2002].

А.П. Чудакова отличали доброжелательность и жизнелюбие, открытость и сердечная теплота, способность творить «свой мир», духовный и физический. В ученом удивительным образом сошлись разные стороны, качества, интересы. Работа над знаменитыми чеховскими и прочими научными трудами велась параллельно с собственноручным осушением

болот и строительством забора на даче. Он умел многое. На вопрос корейских студентов о том, что в своей жизни еще, кроме литературы, знал их профессор, Чудаков А.П. ответил: труд землекопа, столяра, плотника, садовода, тренера по плаванию.

Таким образом, А.П. Чудаков проявил себя в различных сферах научной деятельности – литературоведении, критике, комментировании работ выдающихся филологов, написании воспоминаний об ученых, а в 2000 году дебютировал в качестве прозаика с книгой «Ложится мгла на старые ступени», которая вобрала в себя всю мощь и мудрость его личности, весь огромный и разнообразный жизненный опыт литературоведа, память, размышления и любовь.

В основу произведения положено документальное начало, под главным героем Антоном Стремоуховым, А.П. Чудаков подразумевает себя, все составляющие его биографии преломляются в тексте. Вместе с тем, роман обладает и главным признаком художественности - многообразием смыслов, которые позицией автора не исчерпываются. Об этом говорит и Н. Елисеев: «Образ того времени и того пространства, откуда родом Александр Чудаков, не нашел адекватного художественного воплощения. А коль так, то оно может вовсе исчезнуть из сознания нации. Чтобы этого не произошло, Чудаков пытается создать художественный образ эпохи, который ни документами, ни учеными исследованиями не создается» [Елисеев, 2002].

Особый интерес А.П. Чудакова – это предметный мир русской классической литературы. «Мир воплощенных в слове предметов, расселенных в пространстве, созданном творческой волею и силой художника, есть не меньшая индивидуальность, чем слово» - так скажет А.П. Чудаков о предметном мире в своей книге 1992 года «Слово-вещь-мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков».

1.2. Литература с главенствующим документальным началом: проблема терминологии и специфика жанра.

В современном литературном процессе традиционные жанровые формы неминуемо трансформируются, и связано это, прежде всего, с отображением литературой переломных периодов в жизни общества. В XX веке резко возрастает интерес к документальности, начинается эпоха, когда литература документальная не только испытывает воздействие литературы художественной, но и сама оказывает на нее влияние, нередки и случаи «мимикрии художественных жанров под документальные». Особенностью произведений многих авторов стали включение в литературный ряд явлений «внелитературных». В этом, необходимо отметить, особо проявилась роль реализма, как литературного направления второй половины XIX века, и шедевры, написанные великими русскими писателями, - яркий тому пример.

О художественном и документальном началах романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» свидетельствуют записи из дневника самого автора книги: «Попробовать написать историю молодого человека нашей эпохи, используя автобиографический материал, но, не давая своего портрета» [Чудаков, 2014, с. 502].

Гораздо позже А.П. Чудаков запишет в дневнике: «Вдруг пришла в голову простая мысль: все мои идеи о предметном мире, экологии, современном человеке и вещеустройстве мира не могут вместиться традиционные жанры статей и даже книги (о чем я тоже думал). Об этом надо писать прозу!» [Чудаков, 2014, с. 516]. В дневнике также находим следующие записи: «Сию, пишу роман (=хронику=мемуары=серию записей). (Из писем) [Чудаков, 2014, с. 539]. По мнению А.П. Чудакова «Роман, пожалуй, единственный честный жанр, где автор говорит до конца то, что может сказать» (из записных книжек) [Чудаков, 2014, с. 511]. «Почему приятно писать роман? Погружаюсь в вымышленную, хотя и реальную действительность- в ту, в которой я бы и хотел жить, - а не в этой, в которой живу» [Чудаков, 2014, с. 547].

По словам сестры А.П. Чудакова – Н.П. Самойловой все переплетено в романе, вымысел не отличишь от воспоминаний, книга является и частично автобиографической, и частично-художественной [Орлова, 2012].

О том, что между автором и героем его романа – Антоном «общего немало», но «в романе много и вымысла» говорит и М.О. Чудакова, супруга писателя. «Александр Павлович немного расстраивался, что роман приняли за мемуары, а ведь там целые главы вымышленные» [Орлова, 2012].

«Например, целиком от начала до конца, «вымышлены» первая и последняя главы – «Армреслинг в Чебачинске» и «Все они умерли». Но художественная убедительность оказалась велика, и именно про эти главы говорят и пишут, что такое могло быть списано только с натуры. Но самописание героя-автора автобиографично. Выдуманы только некоторые фабульные звенья – для «оживления» сюжета» [Чудакова, 2011].

То есть это не совсем мемуары или автобиография, автобиографичен главный герой книги, Антон Стремоухов, проводящий детство в Северном Казахстане, а студенческую юность – в Москве.

По мнению многих литературоведов и критиков, художественно-документальная проза – это одно из наиболее заметных явлений отечественной литературы. Следует, однако, заметить, что само понятие теоретически определено еще не вполне точно, более того, оно противоречиво.

Е.Г. Местергази – литературовед, авторитет в изучении документального начала в литературе, в книге «Литература нон-фикшн»/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия» (первом отечественном опыте обобщения и систематизации проблематики, связанной с феноменом «невымышленной прозы») объясняет появление документального начала в литературе, утверждая, что во второй половине XIX столетия процесс этот в определенной мере был подготовлен «самым ближайшим прошлым: эпохой расцвета культуры салонов и кружков первой половины столетия с ее культом писем, дневников, альбомов, записных книжек, записок - с одной

стороны; растущей тягой к постижению «внутреннего человека» - с другой; первыми плодами разрушения патриархальных устоев и наступления века научно-технического «прогресса»-с третьей» [Местергази,2007,с.11].

Между бурным развитием художественно-документальной прозы и драматическими событиями Российской истории прослеживается связь, история литературы знает несколько ярких периодов, для которых это явление было характерным: 1860-годы XIX века., рубеж XIX- XX веков, годы второй мировой войны и эпоха перестройки. Расцвет документальной прозы начался после второй мировой войны 1939-1945 гг., вызвавшей к жизни огромный поток произведений, обдумывающих события войны и духовный опыт народов. «Именно документальные повествования о войне, такие как «Брестская крепость» С.С. Смирнова (1957, расширенное издание - 1964), «Война под крышами» А.М. Адамовича (1960), «Берлин, май 1945» Е.М. Ржевской (1965), «Три года 291 день» Серо Ханзадяна» (1972), «Блокадная книга» А.М. Адамовича и Д.А. Гранина и многие другие создали эпически масштабную и целостную картину пережитого: с тем, что оказалось сложным для «литературы вымысла», блестяще справились заговорившие «сами по себе» факты.

Конец 1980-х-1990-е гг. XX века - новая веха, когда документальное начало в литературе заняло почти главенствующие позиции, произведя поразительный эффект. Именно тогда на страницах открытой печати появились наиболее значительные «невывымышленные» повествования (хотя задумывались и создавались эти произведения в большинстве своем гораздо раньше – на рубеже 1950-х и 1960-х, после XX съезда КПСС) - «Черные камни» А.В. Жигулина и «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, «Погружение во тьму» О.В. Волкова и многие другие.

В истории России XX век оказался весьма сложным для русского человека, он «исторгнул человека из круга всего ему привычного, устойчивого и как бы само собой разумеющегося и одновременно вверх его

в пучину доселе немислимых страданий, лишений и бед, сами меры человеческого подвига и падения оказались вдруг за гранью всех возможных представлений о них. Так действительность неожиданно оказалась фантастичнее вымысла, а факты – красноречивее слов. И здесь документ часто оказывался не только лучшим способом обнажения действительности, проникновения в нее и освоения ее изнутри, но и зачастую последним свидетелем совершающегося в истории» [Местергази, 2007, с. 3-8]. Опора на факт и документ становится одной из важнейших составляющих творческого «инструментария» для писателей XX века.

Говоря о художественно-документальной прозе необходимо отметить, что она специфична своей двойственной природой. С одной стороны - это фактологическая база и следование документу, а с другой - художественно-образительные средства и приемы собственно художественной литературы. Синтетическая природа такой литературы создает для литературоведов и критиков немалые трудности в обосновании особенностей ее специфики. В отечественной науке в отношении одних и тех же произведений сегодня можно обнаружить самые разнообразные определения, в качестве синонимичных успешно функционируют понятия, не всегда таковыми являющиеся: «публицистические произведения», «литература факта», литература «нон-фикшн», «документальная литература», «документально-художественная литература», «художественно-публицистические», «человеческий документ» и т.д. Большинство из этих понятий рождено в литературно-критической практике, наукой открыто не признано и прочного статуса не имеет, что в очередной раз указывает на недостаточную изученность проблематики. Нет четкого определения и в сфере таких жанровых обозначений, как «биография», «автобиография», «дневник», «мемуары», «записки» и т. п.

Местергази Е.Г. в рамках энциклопедического издания впервые делает попытку дать единую картину развития «невывымышленной литературы», а также систематизировать существующую терминологию. Так в разделе

Термины и понятия автор отмечает, что «документальная литература - единственный термин, официально закрепившийся в науке. Возник, вероятно, в 1920-е годы в критике и отдельных литературоведческих работах (в частности, в сборниках ЛЕФа), но еще очень долго наукой как бы не замечался – не было соответствующих статей ни в словарях, ни в энциклопедиях, ни в пособиях вплоть до конца 80-х годов». [Местергази, 2007, с. 8].

В «Литературном энциклопедическом словаре» (год издания 1987) дано определение «документальной литературы», она определяется как «художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении. <...> Качество отбора и эстетическая оценка изображаемых фактов, взятых в исторической перспективе, расширяют информативный характер документальной литературы и выводят ее как из разряда газетно-журнальной документалистики (очерк, записки, хроника, репортаж) и публицистики, так и из исторической прозы. С другой стороны, идейно-эмоциональное содержание документальной литературы сближает ее с художественным очерком и мемуарами, однако, в отличие от свободного использования ими фактического материала, документальная литература строго ориентирована на достоверность и всестороннее исследование документов» [Муравьев, 1987, с.98].

Термин «документальная проза» также употребляется для передачи на русском языке англоязычного понятия нон-фикшн (англ. «non-fiction» - «невымысел»), консолидирующего все разновидности литературы – за исключением литературы художественной, где действуют вымышленные персонажи. Термин «non-fiction» родился в середине XX века на Западе, а в отечественный обиход вошел гораздо позже – в самом конце ушедшего XX столетия.

В послевоенное время в литературно-критический обиход вошел термин художественно-документальная проза. Художественно-документальной прозой изначально называли дневники и записные книжки, мемуары писателей и иных авторов, чьи сочинения, как полагали исследователи, были ценны не только в плане фактографическом, но и в плане эстетическом. Позже этим же термином обозначали произведения, авторы которых в художественной форме описывали реальные события, называя настоящие имена всех действующих лиц, вводя в ткань повествования подлинные документы. При этом акцент в каждом отдельном случае смещался либо в сторону документальности, либо в сторону художественности». И далее: «Документами» здесь признаются, как правило, непосредственно литературно обработанные записи таких рассказов. А художественность обеспечивается авторским «освоением» материала, авторской позицией и. д.» [Местергази, 2007, с. 42].

Такой подход применительно к документальной литературе еще в 1970 году предлагался Л. Гинзбург: «Своеобразное соотношение существует между житнетворчеством и документальной литературой (под житнетворчеством понимается художественная литература). Документальная литература, переводя жизнь на свой язык, в то же время как бы берет обязательство сохранить природу жизненных фактов. Если, таким, образом, житнетворчество строит жизнь по законам искусства, то здесь принцип обратный: документальная литература стремится показать связи жизни, не опосредованные фабульным вымыслом художника. Но отсутствие вымысла не означает отсутствия организации. Построение личности в документальной литературе подчинено эпохальным представлениям о человеке и закономерностям господствующих стилей. В самой этой зависимости сохраняется, однако, специфика документального отношения между действительностью и словесным искусством» [Гинзбург, 1970, с. 84, 90-91].

К художественно-документальной прозе принято причислять и произведения, основной материал которых – тематически объединенные и лично собранные автором (писателем) свидетельства (рассказы) очевидцев социально значимых событий. Документами здесь могут быть признаны непосредственно записи таких рассказов. Однако, в книгах приводятся результаты литературной обработки, а не сами записи. Исходя из этого, «документом» каждый такой результат может быть признан крайне условно, да и систематизируются они в последовательности, выбранной автором книги, исходя из его принципов художественного освоения материала.

Российский филолог и литературовед В.С. Муравьев увязывает данный жанр только с воспроизведением документальных материалов с помощью анализа. Он говорит, что «художественная проза, исследует исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении» [Муравьев, 2001, с. 234].

В последнее время в литературоведческих работах стал употребляться термин «человеческий документ». К литературе «человеческого документа» следует относить, как отмечает литературовед П.В. Палиевский, только непреднамеренно всплывшие на поверхность “письмена”, не имевшие художественной цели: «Их выход в свет есть всякий раз несколько загадочное событие, так как никто не может с достоверностью утверждать, что создатели их – люди художественного таланта, это какое-то невольное искусство. Но это и наделяет их особым качеством. Благодаря ему читатель спокойно видит тут в роли художника целое общество или жизнь, сотворившую и автора и документ. Поскольку эта литература создается без писателя, как удачное выражение момента, она не может приобрести направление или составить какое-либо целое. В случайностях остаются ее сила и слабость. Этим она, между прочим, отличается и от многочисленных к ней приближений или подделок» [Палиевский, 1971, с. 409].

Что касается термина «литература факта», то в научный обиход он был введен в одноименном сборнике, изданном в 1929 г. под редакцией Н.Ф. Чужака. Понятие термина в указанной книге определено так: «Литература факта – это: очерк и научно-художественная, т. е. мастерская, монография; газета и фактомонтаж; газетный и журнальный фельетон (он тоже многовиден); биография (работа на конкретном человеке); мемуары; автобиография и человеческий документ; эссе; дневник; отчет о заседании суда, вместе с общественной борьбой вокруг процесса; описание путешествий и исторические экскурсии; запись собрания и митинга, где бурно скрещиваются интересы социальных группировок, классов, лиц; исчерпывающая корреспонденция с места; памфлет, пародия, сатира; и т. д., и т. д.» [Чужак, 1929, с. 60].

Как нам представляется, одна из причин расплывчатости границ термина «художественно-документальная проза» объясняется неразграничением понятий «факт» и «документ». Не всякое произведение, в основу которого положен действительно факт, является документальным.

По мнению критика и литературоведа Местергази Е.Г., именно потому, что единственно формально признанный термин трактуется учеными по-разному, пока обоснованным представляется использование словосочетания «документальное начало в литературе», не имеющего строго терминологического характера, но вместе с тем емкого и верного по своей сути.

«Литература с главенствующим документальным началом - художественная проза, повествующая о реальных событиях и лицах с привлечением документальных свидетельств. При этом имена, названия могут быть подлинными, а могут в отдельных случаях заменяться на вымышленные; под «документальным свидетельством» понимаются как официальные документы, справки и пр., так и записи устных рассказов, в том числе литературно обработанные, а также невымышленные повествования

писателей, ставших свидетелями и участниками важнейших исторических событий» [Местергази, 2007, с. 42].

Мы солидарны с мнением Местергази Е.Г. о том, что именно на соотносительности тенденций документальности (воспроизведение подлинных обстоятельств реального мира) и художественности (образное воссоздание реальности) базируется литература как искусство слова.

Большинство литературоведов старались отделять жанр «документальная проза» от жанра «художественной прозы». По мнению Симоновой Т.Г. «литература воспроизводит действительность, переустраивает ее, создавая условный художественный мир, либо подобный настоящему, либо принципиально выделяющийся от него. Эти задачи осуществляются в разноплановых видах повествования, что приводит к возникновению документальной и художественной литературы» [Симонова, 2002, с. 6].

Таким образом, можно утверждать, что художественное повествование в литературе дает эстетическое изображение человека и общества. Главным признаком художественной литературы является то, что автор произведения фантазирует, прибегая к вымыслу, описывая образ общества и времени. Он может задать вопрос о том, каков есть изображаемый мир или же каков он должен быть. В «документальной литературе» нет места вымышленным персонажам, вымысел отсутствует как таковой. Большей частью, «документальная литература» отличается от литературы вымысла тем, что в первой существует «другой» процесс создания образности.

Жанры развиваются диалектически – как отмечала Л. Гинзбург, документальная проза создает формы и открывает темы, невозможные на тот момент в художественной прозе, но в дальнейшем освоение этих тем художественной прозой влияет на документальную – в частности, нормируя повествовательный прием, определяя схемы развертывания сюжета (если таковой имеется) [Гинзбург, 1977, с.29-33].

Само понятие жанра относится к числу таких категорий, которые каждым новым поколением ученых вновь подвергаются обновлению и переосмыслению. Такой аспект как особенности функционирования «документальных» жанров сегодня мало изучен научной мыслью.

Е.Г. Местергази, размышляя над жанровой природой произведений с главенствующим документальным началом, учитывая концепцию М.М. Бахтина, предлагает выделить чистые (первичные) и сложные (вторичные) жанры. «К чистым (первичным) жанрам, вероятно, следует относить хронику (летопись), письмо, автобиографию, биографию, дневник, мемуары (воспоминания, записки), описание путешествия (травелог). К сложным (вторичным) жанрам относятся «невыдуманный» рассказ, документальная повесть, документальный роман (роман-быль), а также сопутствующие «авторские» жанры, такие как «опыт художественного исследования» («Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына), «роман голосов» («Цинковые мальчики» С.А. Алексиевич) и др.» [Местергази, 2007, с.49].

Таким образом, литература с главенствующим документальным началом находится ныне на пике популярности, вопросы существующей терминологии, до сих пор не имеющей научного статуса, и границ ее жанров являются предметом литературоведческих дискуссий. Вместе с тем, анализ литературоведческих работ и анализ непосредственно литературных текстов позволяет выделить особенности поэтики такой литературы:

1. Произведения имеют документальную основу и творческий вымысел сводится к минимуму.

2. Художественно-документальные произведения, обыкновенно, не обладают сюжетом (как правило, это сюжет-концепция, сюжет-идея), в них присутствует субъективно-лирическое повествование.

3. Композиция художественно-документальных произведений «разорванная», фрагментарная, отрывчатая. Ведущая роль в системе персонажей принадлежит автору-повествователю.

4. Художественно-документальная литература стремится широко охватить эпоху и одновременно как можно глубже постичь человеческую индивидуальность. Такая литература служит культурным связующим звеном между историей и современностью.

5. В художественно-документальных произведениях часто присутствует публицистический пафос, а это предполагает открытость гражданской позиции автора, обращение к животрепещущим проблемам современности.

Таким образом, произведение А.П. Чудакова представляет собой соединение различных жанров, художественности и документальности, наследуя традиции XIX века. Сам А.П. Чудаков считал, что в литературе «вымысла» и «документальной» «нет непреходимой границы, они одноприродны. Это всегда чувствовали те, кто зачислял в высшие достижения отечественной литературы «Былое и думы» и считал, что одной рукою написаны «Фрегат «Паллада» и «Обломов», «Остров Сахалин» и «Скучная история», «Архипелаг Гулаг» и «Один день Ивана Денисовича». Теоретически это важнейшее положение было обосновано Л.Я. Гинзбург: для того, чтобы текст стал литературой, элемент вымысла не обязателен – обязателен только отбор, словесная организация. Последнее – фундаментальные признаки обеих этих ветвей литературы» [Чудаков, 2003, с. 386].

Роман А.П. Чудакова много раз привлекал к себе внимание критиков, интерес которых главным образом был обращен на жанровую проблематику произведения. Свообразие жанра романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», а также анализ ряда позиций исследователей, изучавших жанровую специфику произведения, рассуждения о реализации в романе разновидностей идиллического хронотопа проанализируем во 2 главе настоящей работы.

1.3. Интеллигенция, как феномен русского общества

Интеллигенция – сложное, многомерное и даже противоречивое явление российского народа и его культуры. Дискуссия о природе этого феномена идет с момента ее возникновения. По нашему мнению, указанное обстоятельство есть следствие наличия разнообразных мнений, теорий, концепций по поводу этого неоднозначного понятия.

Поэт, религиозный философ и писатель Д.С. Мережковский, анализируя явление российской интеллигенции, писал, что не берется решить, что такое русская интеллигенция, только знает, что это нечто единственное в современной европейской культуре.

Единой точки зрения на то, в какой период времени и в связи с чем возникла интеллигенция в науке по-прежнему нет. Ряд исследователей (Г.В. Плеханов, П.И. Милюков) появление интеллигенции связывали с периодом образования Древнерусского государства. Они видели в этом качестве первых просветителей – духовенство. Н.А. Бердяев, Д.И. Овсянников-Куликовский, Р.В. Иванов-Разумник появление интеллигенции относили к середине XVIII века, принимая во внимание результаты петровских реформ в сфере науки, образования, самого существования общества и российской государственности.

Однако наиболее распространена идея, согласно которой интеллигенция появилась в середине XIX столетия, то есть все явление “интеллигенции” замыкается на разночинной интеллигенции. В России оно широко использовалось в художественной литературе, встречается и в документах личного характера. Впоследствии из русского языка перешло в языки других народов. Выводя феномен интеллигенции из 60-х годов XIX столетия, Ю. Левада очертил исторический предел его существования 20-ми годами нашего века.

В. И. Даль впервые помещает это слово во втором издании «Толкового словаря» (в первом, 1863 г., оно отсутствует), объясняя его таким образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [Даль, 1998].

Приписывается авторство термина русскому писателю П.Д. Боборыкину. В газетной публикации 1904 года он утверждал: «Около сорока лет назад, в 1866 г., в одном из своих критических этюдов я пустил в обращение в русский литературный язык <...> слово интеллигенция, придав ему то значение, какое оно, из остальных европейских литератур или пресс, приобрело только у немцев: интеллигенция, т.е. самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны» [Боборыкин, 1904].

Говоря об особенностях российской интеллигенции, П.Д. Боборыкин видел прежде всего этическую сторону дела. К интеллигенции в этом понимании относятся люди, принадлежащие к разным профессиональным группам, к разным политическим движениям, но имеющие общую духовно-нравственную основу. Позже, Д.С. Мережковский, развивая эту мысль, писал, что сила русской интеллигенции не в уме, а в сердце и совести. Благодаря этим ярко выраженным социально-этическим чертам российская интеллигенция и стала примечательным феноменом как в отечественной, так и в мировой истории.

Классикой можно считать определение, данное В.В. Водовозовым: «К интеллигенции причисляются только лица, сердце и разум которых с народом и которые из факта своего образования за счет народа делают вывод о долге интеллигенции народу. Таким образом, к интеллигенции причисляется только прогрессивная часть образованного общества, а ни в коем случае не слуги реакции, хотя бы они были людьми весьма интеллигентными» [Водовозов, 1912].

В том же русле находится и знаменитая формула литературного критика и социолога Р.В. Иванова-Разумника (статья 1907 г.): «Интеллигенция есть этически — антимещанская, социологически — внесловная, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» [Иванов-Разумник, 1914].

В первое десятилетие XX века вышло несколько обширных трудов по осмыслению истории и феномена русской интеллигенции: П.Н. Милюков («Из истории русской интеллигенции», 1902); Р.В. Иванов-Разумник («История русской общественной мысли», 1907), Д.Н. Овсяннико-Куликовский («История русской интеллигенции», 1907). Значимым и этапным стал выход нашумевшего сборника «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909), авторы которого определяли интеллигенцию не по степени и не по роду образованности, а по идеологии. В первую очередь интеллигенция стала определяться через противопоставление официальной государственной власти. Веховцы подходили к оценке феномена интеллигенции с позиций социально-этического подхода, и определяли данную общность через общее мировоззрение, характеризующееся открытой и активной направленностью в защиту интересов народа.

В сборник вошли статьи Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Авторы «Вех» выносили за пределы интеллигенции и самих себя, и всех деятелей русской культуры. Так, П.Б. Струве писал: «Новиков, Радищев, Чаадаев — это воистину Богом упоенные люди. <...> Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика» [Вехи. Из глубины, 1991].

С критикой веховского понимания интеллигенции выступили авторы сборника «Интеллигенция в России» (1910г.), основой которого стала работа П.Н. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция».

Ряд фундаментальных трудов, посвященных интеллигенции, появляется и в промежутке между 20-ми и концом 30-40 годов XX века (работы Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Н.А. Ильина, С. Франка).

Так, известный русский философ и богослов Г. П. Федотов, живший после революции в эмиграции, в статье «Трагедия интеллигенции» (1926) предлагал считать интеллигенцией специфическую группу, «объединяемую идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». Развивая свое понимание проблемы, Федотов писал, «что интеллигенция — категория не профессиональная. Это не «люди умственного труда» [Федотов, 1991].

Н.А. Бердяев предлагал определение: интеллигенция - есть духовная элита, а не социальный слой, именно верховенство совести – доминирующая черта в нашей интеллигенции. Корни формирования особого русского типа интеллигенции, считал Н.А. Бердяев лежат в самой нашей истории.

Крах вековой российской государственности в 1917 году в значительной степени стал и крушением российской интеллигенции. Новому обществу не нужна стала «критически мыслящая личность», а новому государству интеллектуальная оппозиция. Место прежней интеллигенции в социальной структуре заняли учителя, врачи, деятели науки и искусства, служащие, инженеры, которые именовались народной интеллигенцией и рассматривались в качестве социальной прослойки в рамках официального марксизма.

Достоинства предреволюционной интеллигенции ярко охарактеризованы А.И. Солженицыным в его книге «Из под глыб»: «Всеобщий поиск целостного мирозерцания, жажда веры (хотя и земной), стремление подчинить свою жизнь этой вере... Социальное покаяние, чувство виновности перед народом... Нравственные оценки и мотивы занимают в душе русского интеллигента исключительное место; думать о

своей личности – эгоизм, личные интересы и существование должны быть безусловно подчинены общественному служению; пуританизм, личный аскетизм, полное бескорыстие, даже ненависть к личному богатству, боязнь его как бремени и соблазна... Фанатическая готовность к самопожертвованию, даже активный поиск жертвы; хотя путь такой проходят единицы, но для всех он – обязательный, единственно достойный идеал» [Солженицын, 1974].

В Советском Союзе возрождение интереса к проблеме интеллигенции относится к началу 60-х годов. Число исторических и философских трудов, посвященных данной проблематике возросло, однако интеллигенция в работах ученых рассматривалась только как носитель коммунистического сознания.

В 1974 году выходит статья А.И. Солженицына «Образованщина», которая стала заметным явлением среди работ, посвященных анализу интеллигенции как особого социального явления. В статье автор разоблачает тот образованный слой советского тогда общества, который «самозванно или опрометчиво зовется сейчас «интеллигенцией», предложив назвать его «образованщина» [Солженицын, 1991].

Аналогичная позиция у известного ученого Д. С. Лихачева, который в сложный для России период выступил в защиту русской интеллигенции. Главным для него является понятие «свобода» и «умственная порядочность». К интеллигенции принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли, а кроме этого можно быть и несвободным от раз и навсегда принятых принципов [Лихачев, 1993].

Как видим, феномен русской интеллигенции, несмотря на давнюю историю изучения, определить непросто, как непросто и дискуссионен вопрос об определении самого понятия «интеллигенция».

Ведущий научный сотрудник Самарского Центра аналитической истории и исторической информатики (СЦАИ), г. Самара Кривопалова Н.Ю. в публикации 2008 года говорит о том, что в новейшей отечественной историографии в 1990-е 2000-е гг. сложились пять позиций в определении интеллигенции, которые различаются выделением качественных ее признаков и существующие в рамках двух основных подходов к определению понятия «интеллигенция»: социологического и нравственно-этического. Так, к социологическому подходу относятся критерии профессионального умственного труда, образованности и творчества, к нравственно-этическому – критерии нравственности и оппозиционности [Кривопалова, 2008].

Роль интеллигенции в обществе - являться при любых обстоятельствах жизни носителем такой социальной ценности, как интеллигентность, нести нравственную миссию. Интеллигентность - духовно-нравственное понятие, связанное с социально-личностными качествами и чертами людей, характеризующаяся определенной степенью нравственной зрелости личности, независимо от социально-классовой принадлежности. Это синтез нравственных принципов, духовной тонкости, безупречность в поступках, внутренняя свобода человека, способность поставить себя на место другого человека. Интеллигентность –это сплав умственной и нравственной культуры, отсюда и высокая духовность, помноженная на требовательность человека к себе. Видный деятель русской культуры Д.С.Лихачев утверждал, что притвориться интеллигентным человеком нельзя. Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, но интеллигентным – никогда.

Таким образом, на сегодняшний день историография отечественной интеллигенции обширна, определений понятия «русская интеллигенция» предложено не один десяток (если не сотен), но ни одно из них не является общепринятым. Мы признаем, что ни одно из известных определений интеллигенции не в состоянии охватить и объяснить весь феномен в целом, однако полагаем абсолютно верным утверждение о том, что ценностные характеристики интеллигенции соотносятся с фундаментальными аксиологическими понятиями русской культуры.

Представители интеллигенции всегда были творцами и хранителями русских духовных ценностей, выраженных в основных концептах культуры, таких как служение Отечеству, совесть, ответственность, свобода, правдоискательство, справедливость и нравственность, духовность, соборность и др. Помимо хранения и распространения культурных ценностей другой социальной функцией русской интеллигенции стало служение своему народу и стремление радикально преобразовать общество и все социальные отношения через обновление культуры, духовное творчество, нравственно-эстетическое преломление действительности.

В литературном аспекте проблемы интеллигенции поднимались Ф. Достоевским, А. Чеховым, М. Горьким, А. Блоком, И. Буниным, М. Булгаковым, В. Короленко, Б. Пастернаком и др.

Обращение русских писателей и поэтов к анализу образа интеллигента, его положению в жизни страны, а также осмысление феномена интеллигенции закономерно и актуально, что говорит о значимости интеллигенции как для русской истории, так и для русской жизни. А.Ю. Колпаков, рассматривая в своей статье феномен большого романа об интеллигенции в русской литературе XIX – XXI веков говорит о том, что «на протяжении двух столетий интеллигенция в своих исканиях апеллировала к литературе, заимствуя у нее идеи, героев, проблематику и даже саму реальность русской жизни. С другой стороны, литература в многочисленных

вариациях развивала тему интеллигенции, создавая устойчивые коллизии и конфликты, сюжеты, типологию героев и т.д. Можно сказать, что русская интеллигенция осознавала себя через литературу, а литература участвовала в истории русской интеллигенции» [Колпаков, 2017].

Роман-идиллия А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» признан лучшим романом первого десятилетия нового века жюри литературной премии «Русский букер». Эта книга подтверждение тому, что классическая русская литература, обращенная к жизни русской, пробуждающая и воспитывающая человеческую душу, не умерла в XXI веке. Перед нами, по мысли С. Бочарова, «роман-свидетельство» о том, «как русская жизнь сохранилась внутри советской» [Бочаров, 2005]. Это ностальгия по доиндустриальной, русско-интеллигентски-патриархальной эпохе, героями которой стали прекрасно образованные и воспитанные выпускники классических гимназий.

В книге через воспоминания показана судьба целого народа в один из самых тяжелых периодов Российской истории, отображен широкий исторический и бытовой фон, но наиболее детально рассматривается автором жизнь представителей русской интеллигенции в XX веке.

В центре внимания - повествование о жизни уникальной, дружной, семьи Саввиных - Стремоуховых, состоящей из нескольких поколений настоящего образованных, интеллигентных людей, которая прошла всё - войны, революции, репрессии - но устояла. Страх не сгибает их и не заставляет поступиться нравственными принципами, они продолжают жить духовной жизнью, передавать свое представление о фундаментальных ценностях, вере, душевном благородстве молодому поколению.

Автор ведет речь о репрессированной интеллигенции, которая в 30-годы в ходе массовых репрессий, охвативших все профессиональные отряды старой интеллигенции, была в своем большинстве уничтожена. Многие герои

романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» вошли в число таких отверженных и обреченных.

А.П. Чудаков создает панораму реальных событий, он пишет о послевоенных годах в городке Щучинске (в романе-Чебачинск) Северного Казахстана, куда семья вынужденно-добровольно переселилась в 30-е годы (отец Антона сознательно уезжает в Казахстан, опасаясь неминуемых репрессий в те страшные годы, деда и бабушку Антона с Украины в Чебачинск вывозит старший сын), оазисе природном и духовном (городок воспринят глазами ребенка как «райский уголок, курорт, казахская Швейцария»), где сформировалась колония ссыльнопоселенцев, освобожденных из мест заключения бывших ученых, деятелей культуры. В результате Чебачинск стал точкой сбора, вследствие чего и возникает детское ощущение Антона, что едва ли не все исчезнувшие из нормальной жизни оказались здесь, в романе говорится «четвертая культурная волна в Сибирь и русскую глухомань».

Все поколения русской интеллигенции представлены в романе: провинциальные дворяне (бабушка главного героя Антона), «колокольные дворяне» - дед, образованное третье сословие – отец и мать героя, и сам Антон – советский книжный мальчик.

Дед и бабушка главного героя: Леонид Львович и Ольга Петровна Саввины представители интеллигенции классической, дореволюционной закалки. Они воспитаны укладом жизни минувшей эпохи, впитали в себя науку и культуру прошлого столетия.

Дед главного героя - фигура в романе совершенно особенная, он занимает первостепенное место в романе. Физически сильный и в девяносто лет, родившись в конце 70-х годов девятнадцатого века в семье потомственных священников, и получив образование в семинарии Вильно, он остался русским человеком прежней (безвозвратно ушедшей) культуры.

Роман открывается повествованием о дедe и заканчивается его кончиной: «Дед был очень силен. Когда он в своей выгоревшей, с подвернутыми рукавами рубахе работал на огороде или строгал черенок для лопаты (отдыхая, он всегда строгал черенки, в сарае был их запас на десятилетия), Антон говорил про себя что-нибудь вроде: «Шары мышц катались у него под кожей» (Антон любил выражаться книжно). Но и теперь, когда деду было за девяносто, когда он с трудом потянулся с постели взять стакан с тумбочки, под накатанный рукав нижней рубашки знакомо покотился круглый шар, и Антон усмехнулся. «Смеешься?» - сказал дед. – Слаб я стал. Почему ты не говоришь мне, как герой вашего босяцкого писателя: «Что умираешь?» И я бы ответил: «Да, умираю!» А перед глазами Антона («помнившего эти руки лучше, чем материнские») «всплыла та, из прошлого, дедова рука, когда он пальцами разгибал гвозди или кровельное железо» [Чудаков, 2014, с. 11].

«Дед вырастает в образ «правильной» российской истории, досадно прерванной нелепо-страшным советским периодом. Дед деда, учась в духовной семинарии в Вильно, знал еще Ф. Булгарина, жившего там в 1820-е гг. А сам он наследует тому поколению русских священников, которых принимали в духовную семинарию по признаку породы: «Слабых, малорослых не принимали ... Те, кому предстояло нести людям слово Божие, должны быть красивые, высокие, сильные люди» [Яранцев, 2013].

Служить Леониду Львовичу не пришлось, но от веры в стране атеизма он никогда не отрекался. Не сомневался, что она вернется в Россию. «Вера, – говорил дед, - не лоб перекрестить в храме на Пасху или Рождество. Это исповедь, молитва, пост, жизнь по нашему православному календарю. Воцерковление идет веками и годами, начинается с младенчества, с семьи» .

Леонид Львович видел сына Пушкина, «служившего в виленской судебной палате, был на его похоронах как раз накануне бунтов девятьсот пятого года», «семинаристом пел в церковном хоре на отпевании Помпея Николаевича Батюшкова, брата поэта» - «предшественника Пушкина».

«Когда родился дед, - пишет А.П. Чудаков, - еще были живы Некрасов, Достоевский, Тургенев; Толстой только что закончил «Анну Каренину», Чехов был гимназистом, электрическое освещение лишь пробовали, и оно сильно мигало, как напишет потом этот гимназист в своем великом предсмертном рассказе, который дед прочтет совсем молодым, еще не женатым; не было радио, аэропланов, велосипеды были с разновысокими колесами: большим передним и маленьким задним» [Чудаков, 2014, с. 270].

Человек большой порядочности, дед спокоен и тверд, интеллигентен и тонок в общении с людьми. Автор показывает благородство Леонида Львовича уже в первой главе «Армрестлинг в Чебачинске», где дед заканчивает состязание с местным чемпионом, кузнецом Переплеткиным вничью, хотя вполне мог бы одержать победу в поединке. «Дед, - спросил Антон, - а тогда на свадьбе ты ведь мог бы положить кузнеца?» «Зачем? Для него это профессиональная гордость. К чему ставить человека в неловкое положение?» [Чудаков, 2014, с.14]. Истинная победа - в деликатном умении соблюсти ничью, в особом таланте интеллигента не ставить человека в неловкое положение.

Дед обладал ярким талантом педагога, преподавал еще при Николае II, умел и любил работать с детьми младших классов, имея смутное представление о школьной программе начальной советской школы, дед по ошибке подготовил внука до четвертого класса включительно. При этом Леонид Львович следовал своим взглядам, был противником школьных парт: «Бабка рассказывала, что когда она приносила деду завтрак, то нельзя было понять, перерыв или урок-во время занятий у деда сидели кто где хотел –на подоконниках, на полу, некоторые при решении задач предпочитали бродить по классу...» [Чудаков, 2014, с.73-74]. Когда внук вырос, то в журнале «Америка» прочитал о современном методе преподавания в их школах и увидел фотоснимки, на которых школьники тоже сидели не за партами, а свободно располагались на разноцветных коврах и пуфиках, то,

вспомнив деда, с грустью и иронией подумал, что, видимо, именно в этих коврах и пуфиках заключалось новейшее слово в современной педагогике.

В детях дед ценил больше всего не способности (читать и писать он мог научить любого), а любознательность, которую он всячески в них развивал. Дед мог посвятить, весь школьный день математике, если ученики увлеклись предложенной игрой в числа, а в следующий раз – грамматике или театру, когда разыгрывались басни Крылова. «Географии и естествознанию дед обучал не в классе, а в лесу, - с теплотой пишет автор, вспоминая детство, - учил дед определять высоту деревьев, а когда задирали головы, пользуясь случаем, рассказывал, на какой высоте стоят облака перистые и на какой – перисто –кучевые, чем оперенье малиновки отличается от оперенья иволги, какие и где у них гнезда... Рассказывал, как исландцы добывают гагачий пух...»

«Результаты метод деда, видимо, давал прекрасные: у него было множество каких-то поощрительных листов, а в двенадцатом году ко дню Святой Пасхи он был согласно представлению Министра Народного Просвещения пожалован Большой Золотой медалью Великого князя для ношения на шее <... > На эту медаль бабка в девятнадцатом году выменяла пуд гречки <... >» [Чудаков, 2014, с. 76].

Необычна и бабушка Антона - выпускница института благородных девиц, в девичестве Налочь-Длусская-Склодовская. Физик и химик, Нобелевский лауреат Мари Кюри, урожденная Склодовская, была троюродной сестрой Ольги Петровны. В романе приведено множество воспоминаний бабушки повествователя о дореволюционной России, дворянской культуре. В третьей главе «Воспитанница института благородных девиц», посвященной бабушке героя, мы узнаем о вкусах дворянской аристократии рубежа XIX-XX веков. В рассказах о прошлом бабушкой упоминаются Зимний дворец, императрица Александра Федоровна, актриса Гоголева в роли королевы в «Стакане воды», «неприятная история с гранатовым браслетом», «мадам Шанель», «кулон от

Фаберже». До самой старости помнила Ольга Петровна, во что были одеты Их Величество Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна на большом зимнем балу в Николаевском зале Зимнего дворца, где ей в молодые годы довелось присутствовать.

Носитель незаурядных знаний о тончайших правилах этикета, бабушка Антона с «непостижимым искусством» легко управлялась с большим количеством столовых предметов, Именно она шила, вязала, ювелирно накладывала заплаты, топила печь, стирала, готовила так, что ей не было равных, мыла полы, гоняла коров в стадо в казахстанской провинции – настоящий аристократ духа!

Интересны беседы бабушки на темы светского этикета, правил подачи вин с внучками. Мы узнаем, что девушка может приехать с родителями на званый обед только тогда, «если у хозяйки или выполняющей эту роль сестры или другой родственницы амфитриона есть дочери»; перчатку девушка может и должна в церкви снимать с правой руки «с левой – никогда, она будет смешна!»

В конце книги автор говорит: «Мир для бабки был в густом тумане, всё сместилось и ушло – память, мысль, чувства. Незатронутым осталось одно: её дворянское воспитание... Но её жизнь от жизни простонародья отличалась мало или была даже тяжелее, в грязи она возилась больше, потому что не просто стирала бельё на одиннадцать человек, а находила в себе силы его ещё отбеливать и крахмалить; после этого оно целый день висело в палисаднике, полощась на ветру или колом застывая на морозе (накрахмаленное бельё на морозе не сушилось – при низкой температуре, объясняла мама-химик, крахмал превращается в сахар и оно становится липким); скатерти, полотенца, простыни, наволочки пахли ветром и яблоневым цветом или снегом и морозным солнцем; белья такой живой свежести Антон не видел потом ни в профессорских домах в Америке, ни в

пятизвездном отеле Баден-Бадена. Полы она мыла не раз в неделю, а через день; в своей комнате не давала красить...» [Чудаков, 2014, с.30-31].

Родители Антона педагоги, интеллигенты в следующем поколении. Мама –учитель химии, отец – закончил исторический факультет МГУ, преподавал в школе, техникуме, педучилище (как дисциплину идеологическую историю ссыльным преподавать не доверяли), вечерами читал лекции о международном положении. Покинув Москву после ареста братьев и уехав на стройку мясокомбината в Семипалатинске, одного из самых больших в стране, а затем прибыв в Чебачинск, Петр Иванович Стремоухов, в отличие от Леонида Львовича, оказался более лабильным по отношению к советской системе. «Собственно, среди трех поколений Саввиных-Стремоуховых в самом печальном положении среднее - отец Антона, <...> усвоивший двуязычие и искреннее двоемыслие. Трудно понять, где привычки, а где уже собственные убеждения...» [Маркова, 2010]. Отец Антона очаровывался У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом, «преодолевшим непреодолимое», «но почти также отец восхищался параличным Лениным, диктующим свои предсмертные статьи»; «нотки восхищения звучали и даже в его высказываниях о Сталине, сумевшем благодаря железной воле победить превосходящих его по всем статьям противников и создать небывалую по мощи государственную машину – ту самую, из-под колес которой отец трижды чудом выбрался» [Чудаков, 2014, с. 475]. Не думая о последствиях, восторгался дома «мощью Красной Армии, когда она, победоносно завершив войну, стояла в центре Европы. Имея 15 миллионов под ружьем и опыт такой войны, она свободно могла железную лавую прокатиться до Атлантического океана!» Через много лет, отец Антона «подтверждал, что радовался искренне, но сознательно как бы заставлял себя не пропускать в эту радость сомнений, и это удавалось. «Иначе было бы невозможно жить- нервная система не выдержала бы» [Чудаков, 2014, с. 483]. Чудаков А.П. пишет об отце с душевной болью,

пишет пронзительно «о раздвоении человека, все понимающего, но вынужденного функционировать, хоть и в слабой степени, в Системе.

Разница мировоззрений представителей двух старших поколений - деда и отца главного героя Антона четко проверяется отношением к Великой Отечественной войне. Для деда уже не существует России, за которую он бы пошел умирать. Отец разделяет власть и страну, вопрос о лагерях для него отодвигается войной, для деда –нет. «Отец отдал в фонд обороны все, что скопил перед войной на своих трех ставках. Дед, узнав об этом из местной газеты, такой шаг не одобрил, как и раньше-запись в добровольцы» [Чудаков, 2014, с. 46].

Антон Стремоухов - прототип автора, третье поколение интеллигентов семьи Саввиных – Стремоуховых, уже представитель советской интеллигенции. Книжный, «образованный мальчик» вырос и закончил истфак МГУ. Дружба Антона с дедом, их взаимоотношения составляют важную и трогательную тему романа. Внук влюблен в деда, он самый главный человек в биографии Антона, идеальный наставник, воспитывающий самой своей жизнью, дающий первые знания, и серьезные, и жизненные. Делая всякое дело, дед показывал и учил. В конце повествования, Антон, находясь на могиле деда скажет: «Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был прав во всем!»

Вызывает уважение высокая внутренняя культура семьи Антона. Герои романа живут, вбирая в себя от жизни как можно больше радости, умеют уважительно общаться, создавать и ценить красоту. Автор вспоминает родительский дом, где по вечерам пели романсы и народные песни, рассказывает о семейных чтениях вслух романов Диккенса, Толстого, Чехова (книга - традиционный источник знаний интеллигентного человека), при этом с грустью добавляя, что повторить домашние чтения Антону не получилось ни тогда, когда у него подросла дочка, ни потом позже, когда появилась внучка. Что-то ушло безвозвратно. Вспоминает автор и про

сервировку стола внушительным количеством столовых предметов даже в голодной казахстанской провинции. «Она умела готовить еду из всего –щи из крапивы, лепешки из лебеды, салат из одуванчиков ... <...> Я помнил не вкус, а то, что и щи из крапивы, и отварной корень лопуха подавались на фамильных тарелках – их бабка не продала ни в эту войну, ни в первый голод, ни во второй». Это ощущение мира и спасает героев от ужасов и катастроф эпохи.

И старый бабушкин фарфор, и хранение ею икон (когда говорили, что за это могут посадить, она отвечала: «Сажайте вместе с иконами»), и ослепительно белые накрахмаленные манишка и манжеты отца Антона в казахстанской глуши, его белые фетровые бурки и кожаное пальто в лютые морозы – все это было еще и способом сопротивляться обстоятельствам, необходимостью остаться интеллигентным человеком при любых условиях.

Взаимоотношения интеллигента и власти всегда были обостренными. Высокообразованный, культурный человек, как правило, не очень уютно чувствует себя в коридорах власти. Интеллигентному человеку претит лицемерие, грубость, фальш, сила любой власти, как бы демократична она ни была.

Дед Антона, критически взглядываясь в происходящее, видит, что в советской системе растет владычество фразы, утрачивается вера в собственное мнение, во имя материального равенства пренебрегают духовными ценностями человека. Такая атмосфера губительна для интеллигентного человека, который не мыслит своего существования без внутренней свободы. Взаимное неприятие и отторжение властных структур и интеллигенции было обоюдным, причем последняя, оказалась обречена на положение отверженных, на репрессии, а затем и на уничтожение. «Логика сталинского политического курса по отношению к старой интеллигенции в конце 20-х-начале 30-х гг. диктовалась тем, что ее самостоятельность, независимость мышления, критический дух, нравственные принципы были

несовместимы с процессом становления тоталитарного политического режима, монополизацией духовной жизни общества»- пишет Матвеев Г.А. « [Матвеев, 1996, с.29].

Наиболее ярко отношение к российской дореволюционной и советской культурам проявилось в образе деда. Дед не принял советской системы сразу и окончательно, и свое отношение к власти выражал открыто. Мир дореволюционной России был для него более реален, чем новый советский.

«Старый мир ощущался им <дедом> как более реальный, дед продолжал каждодневный диалог с его духовными и светскими писателями, со своими семинарскими наставниками, с друзьями, отцом, братьями, хотя никого из них не видел больше никогда» И далее: «...дед по пятилеткам не мерил, для него все годы после семнадцатого были одноцветным советским временем, оттенки его не занимали». 50-е годы – лишь очередной оттенок. «Советскую прессу, - продолжает А.П. Чудаков, - дед почти не читал, но сведения о состоянии сельского хозяйства и биологической науки как-то стекались к нему: писали бывшие слушатели его лекций в агрономическом институте в Екатеринославе, то что-то целыми днями рассказывал живший за печкой хромой старик, которого только что выгнали со знаменитой Харьковской опытной станции...» [Чудаков, 2014, с. 56].

Не любил Леонид Львович и современной литературы - ни отечественной, ни зарубежной. «По всякому поводу любил уколоть кого-нибудь из советских классиков». «Как-то Антон процитировал строки, как «мальчики иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков». Дед понял так, что мальчики будут плакать, жалея тех, кто жил в это время, но ни о чем не спрашивал, полагая, что стихи – из тех листков на папиросной бумаге, которые привозил из Москвы внук» [Чудаков, 2014, с. 495].

Советскую научно-популярную литературу дед не читал, говорил, что «пока доберешься до чего-нибудь осмысленного, занозишь всю душу,

продираясь сквозь дуролесье цитат из вождей и фарисейское многоглаголание» [Чудаков, 2014, с. 308].

Про Сталина от деда кроме слова «бандит» Антон не слышал ничего другого. По второму образованию дед был агроном и применял свои знания не только на практике, но и читал много научных трудов по специальности, писал статьи. О Лысенко высказывался, но всегда очень лаконично: «невежда, шарлатан».

Дед обладает критическим сознанием и всю ценностную структуру нового строя пригвозждает своими емкими высказываниями: «Что это за система, когда все держится на таланте и невероятных усилиях одного человека, который уйди – все рухнет»; «Неравенство не возникло, оно существовало изначально. Равны все только перед Богом. Меж собою все были различны всегда. И если ты ленив и глуп, ты беден». Он оправдывает коллаборационистов из бывших кулаков и прочих репрессированных, считая, что «советская власть отняла у них все». Происходящее он воспринимает как нечто противоестественное, насильственное нарушение нормального хода жизни. Недобро сверкали глаза деда, когда он говорил о колхозах, крестьянах и советском строе вообще, «ни разу не видел я, чтобы они сверкали так, когда речь шла об отдельных людях- даже о бандитах, энкаведешниках и академике Лысенко» [Чудаков, 2014, с.120].

Сохранивший внутреннюю свободу, не отступивший своих нравственных принципов, имеющий широкий кругозор и энциклопедические знания, обладая собственной жизненной позицией, дед до конца своих дней не изменил взгляда на происходящие в стране события и сохранил уверенность, что «царство фантомов исчезнет в одночасье, как и возникло, только час этот наступит нескоро».

«В нашем сознании живут навязчивые, но глубоко лживые антитезы. Так сила, хозяйственная крепость, мастеровитость привычно

противопоставляются интеллектуальному и духовному богатству (интеллигент должен быть хлипким), убежденная приверженность идеалам — толерантности (интеллигент должен быть плюралистом), вера — разуму (интеллигент должен быть атеистом, в крайнем случае — агностиком). Вся жизнь деда, с его глубокой верой и опытом агронома, презрением к бандитской власти и любовью к физическому труду, верностью обычаю и уважением к чужим мыслям и чувствам, была опровержением этих пошлых «установлений» -говорит Немзер [Немзер, 2002].

Настоящий интеллигент не может находиться в стороне, когда Родина в опасности, он не покидает ее в переломный момент, а переживает все тяготы и невзгоды вместе со своей страной и своим народом. Роман А.П. Чудакова о русских интеллигентах, которые «не уехали», остались, понимая, что наивысший смысл пребывания здесь – жить, несмотря ни на что, жить и «держат марку», быть в этой «одичавшей» стране «и в горе, и в нищете, и в болести».

И они «держали марку», эти высокие интеллектуалы достойно выжили в сталинской ссылке после тюрем и лагерей, лишённые почти всего необходимого, они научились класть печи, выращивать высокие урожаи на клочке земли, управляться с лошадьми, косить траву, производить свечи, варить мыло, печь хлеб и даже заниматься выделкой кож. А.П. Чудаков пишет о внутреннем стержне этих людей: «Из всех новых административных насельников интеллигенция, по наблюдениям Антона, ощущала себя наименее несчастной, хотя ее положение было хуже, чем у кулаков, немцев или корейцев: она не знала ремесел, земли, а служить в горисполкоме, райкоме, РОНО ссыльные права не имели. Но многие из них, как ни странно, совсем не считали свою жизнь погибшей» » [Чудаков, 2014, с.43].

О том, каким образом семья осваивала материальный слой жизни и выживала в предложенных обстоятельствах автор повествует в центральных главах романа: «Натуральное хозяйство XX века», «Землекопы и матросы»,

«Вдовый угол» «ООН». Натуральное хозяйство оказалось по плечу ученым, священникам, инженерам, художникам - миф о неспособности интеллигенции сеять, строить, пахать был полностью разрушен.

«Роман опровергает привычный взгляд на “белую кость” — белоручек. Они представлены не только более сведущими в разных областях и умеющими применять свои знания на практике, но и более выносливыми в ссылках и лагерях: им есть чем жить и держаться.» - приходит к выводу Д. Маркова в статье «Синтез ядра» [Маркова, 2010].

Затрагивает эту тему в романе и А.П. Чудаков: «Поскольку было ясно, что рано или поздно все должны попасть в лагерь или ссылку, живо обсуждался вопрос, кто лучше это переносит. Племянник графа Стенбок-Фермора, отрубивший десять лет лагеря строгого режима на Балхаше, считал: белая кость. Казалось бы, простонародью (он был вторым человеком, употреблявший это слово) тяжелый труд привычней –ан нет. Месяц - другой на общих - и доходяга. А наш брат держится» [Чудаков, 2014, с.32].

Таким образом, ограниченные в правах и свободах, герои А.П. Чудакова в итоге оказались свободнее многих, кто остался в кабинетах и на кафедрах. Выжив в «предложенных обстоятельствах», построив Дом свой и разбив Сад свой, они продолжали жить духовной жизнью, развивая ее независимо от власти, благодаря своим талантам и культурным корням.

Глава 2. Анализ романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»

2.1. Жанровое своеобразие романа–идиллии «Ложится мгла на старые ступени»

Замысел романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» возник у А.П. Чудакова еще в студенческие годы, однако к работе над ним он приступил лишь во второй половине 1990-х годов.

Жанр этой книги обозначен автором как роман-идиллия. Произведение А.П. Чудакова обратило на себя внимание многих исследователей, которые так или иначе изучали его жанровую специфику. Критики различали в произведении и черты разных жанров, и высказывали сомнения: идиллия ли это?

По мнению Р. Фрумкиной, произведение А.П. Чудакова «в самом деле роман», однако она полагает, что «идиллического в нем столько, сколько мы найдем в повествовании любого автора о своем детстве». Критик считает, «литературности» в произведении нет- «скорее жизнь, да еще взятая очень крупным планом». Автор, нисколько не таясь, временами говорит не просто от первого лица, одновременно как бы оставаясь мальчиком Антоном, но еще и комментирует свое прошлое из недвумысленно нашего «сегодня». Автобиографичность повествования Чудакова очевидна хотя бы потому, что главного героя, деда рассказчика, невозможно придумать, как и описанный изнутри совершенно особый быт большой семьи, где дед до самой смерти оставался главой. [Фрумкина, 2002].

П. Вайль вспоминал: «В последнюю нашу встречу с Александром Павловичем я сказал ему о своих восторгах. И, главное, в том, что "Ложится мгла на старые ступени" – это советский "Робинзон Крузо". Школа выживания. Выживания всякого – умственного, нравственного, физического, бытового. Сравнение ему понравилось...» Петр Вайль считает, что произведение А.П. Чудакова – «это мемуар». По мнению П. Вайля, «самым захватывающим в истории Робинзона Крузо» было то, как герой превращал

спасенные им с затонувшего корабля предметы в «инструменты жизни»: «Казахстанские робинзоны погружались в хозяйственные бездны, подсознательно понимая, что это верный, а в их обстоятельствах – единственный путь к сохранению душевного здоровья». В чудаковской робинзонаде П. Вайля привлекало, прежде всего, то, «как хозяйственная автономия оборачивалась самостоянием личности». По мнению критика, несмотря на подзаголовок – «роман-идиллия» «ни романа там нет, ни тем более идиллии». «Какая уж идиллия в повествовании о семье русских ссыльно-поселенцев в Северном Казахстане. И почему-то Чудаков, видно, опасаясь, что не получится увлекательное чтение, несколько романизировал книгу: наряду с нормальным авторским «я» присутствует и некий «Антон» в третьем лице: тот же Александр Чудаков», - говорит П. Вайль [Вайль, 2008].

И. Булкина считает, что «жанровый подзаголовок-роман-идиллия-столь же точен, сколь и парадоксален». Она связывает отмеченную парадоксальность с несоответствием произведения идиллическим стереотипам. «Идиллия, как правило, представляет поэтический мир, обращенный назад», мир, «не признающий истории как процесса и помнящий лишь о безвозвратно утерянном и загубленном Золотом веке». [Булкина, 2012].

Критик считает произведение А.П. Чудакова идиллией «о выживании» и «еще одной версией российской истории XX века», где «холод и голод» это всего лишь «предложенные обстоятельства», но каждый сам строит Дом свой и разбивает Сад свой». И. Булкина называет роман-идиллию «Ложится мгла на старые ступени»- «романом о Патриархе» (деде), это «прежде всего книга о сохранении семьи и ее культурного уклада», «семейный эпос», необычность сюжета которого «в правильном течении жизни», сложившейся несмотря ни на что. «Перед нами не сатира и не аллегория, но спокойное и неторопливое повествование о том, как можно строить жизнь в предложенных обстоятельствах. О том, как культура «книжная», высокая

вырастает из «культуры материальной»: собственно, это одна из первых и главных идей Чудакова-филолога», - говорит критик [Булкина, 2012].

И. Булкина также, как и П. Вайль проводит аналогию между романами А.П. Чудакова и Д. Дефо. По ее мнению, велик соблазн «сравнить «чебачинскую идиллию» с островом Робинзона»: «Самое увлекательное в приключениях Робинзона и в чебачинской идиллии – это описание производства вещей, предметное наращение материи. <...>Чудаков, вслед за Дефо, создает просветительскую утопию труда, и замкнутый цикл натурального хозяйства чебачинских поселенцев-своего рода островная автономия внутри разрушительной советской истории. Главное свойство предметного мира, по Чудакову, - его устойчивость: «законов рождения и жизни вещей и растений не в состоянии изменить никакая революция». «Нематериальный человеческий мир хрупок и подвластен истории, его можно переиначить, разрушить, поставить с ног на голову. Предметный, как это ни парадоксально, переиначить нельзя. По крайней мере так это представлялось Деду, и это убеждение передалось Антону. В том мире вещи переживали людей, и деда похоронили в его любимом бостоновом костюме, сшитом до Первой мировой», - пишет И. Булкина. [Булкина, 2012].

А. Долинин, в свою очередь, утверждает, что роман «Ложится мгла на старые ступени» -автобиографический, где А.П. Чудаков «дал волю своей богатейшей словесной памяти». Подзаголовок же «роман-идиллия», по его мнению «ввел в заблуждение многих критиков, усмотревших идиллическое начало в основном предмете изображения – в том провинциальном «семейном оазисе», который создали дед и бабушка героя, попович и дворянка, случайно уцелевшие выходцы из старого мира, среди советской мерзости запустения. Однако если присмотреться, никакого огороженного рая в «романе-идиллии» нет и в помине: зло, жестокость, абсурд, смерть в разных обличьях –женщина с перерезанным горлом, мужик, пропоротый грязными вилами, брошенные старики, умирающие дети, семейные распри, аресты и расстрелы –входят в состав изображенного мира на равных правах с

добром и красотой. По мнению А. Долинина, автору было известно, что «в переводе с древнегреческого «идиллия» значит просто «маленький образ», и, он, называя свое произведение, «романом-идиллией», «в первую очередь» стремился подчеркнуть «огромное значение малого, случайного, частного», уравниваемого им «с крупномасштабными трагическими событиями исторического времени и с вечною красою равнодушной природы». Рассуждая, А. Долинин приходит к выводу, что идиллическим оказываясь «не сам мир, а авторский взгляд на него – взгляд спокойный, мужественный, благорасположенный» [Долини, 2005].

Кроме того, А. Долинин называет произведение «Ложится мгла на старые ступени» также и романом воспитания, главной темой которого, по мнению критика, является «непрерывающаяся традиция, только не научная, а фамильная; прочная цепь, связывающая человека с дедами и прадедами, с детьми и внуками; заповедные уроки труда и культуры, внутренней свободы и сострадания, чести и стойкости, терпения и терпимости, которые он (А.П. Чудаков) с благодарностью получает и с надеждой передает». [Долини, 2005].

А. Марченко называет книгу А.П. Чудакова мемуарной, и свои сомнения по поводу принадлежности романа к идиллической традиции выражает не в очень категоричной форме. «Какая идиллия, ежели действие разворачивается в Северном Казахстане сталинской поры, в поселке городского типа, битком набитом "неполноценным" репрессированным народом!» – пишет А. Марченко, пришедшая в итоге к выводу, что А.П. Чудаков написал именно роман-идиллию, в котором слово «идиллия» имеет «не одно, а два значения: и расхожее, современное – идеализация, и благородно-устаревшее – похвала сельской скромной жизни» [Марченко, 2001].

А. Немзер считает, что идиллия в произведении создана семьей Саввиных-Стремоуховых и сохранена дедом: «Дед был очень силен – о его силе и написана книга с подзаголовком «роман-идиллия». Какая тут «идиллия», если время действия - военные и первые послевоенные годы, а

место – городок, набитый ссыльнопоселенцами. (Семья рассказчика-исключение. Они сами вовремя выбрали захолустье. Потому и спаслись). И все же авторское определение единственно точно. И не только потому, что Чебачинск расположен в счастливой местности, озера краше прославленной Риццы, а такого скопления истинных интеллигентов «на единицу площади» рассказчику не доведется больше увидеть никогда и нигде. И тем более не потому, что детство – у всех «счастливое». Очень даже не у всех! По мнению исследователя, «"идиллию" создавала семья, возвращенная польской дворянкой, выпускницей Института благородных девиц, и русским поповичем, окончившим семинарию, но избравшим мирскую стезю, – бабкой и дедом рассказчика. А если добираться до сути, "идиллию", настоящую Россию, сохранил дед. В большевистской мясорубке, среди нищеты, раздора и общего одичания. Сохранил, потому что был очень силен. И столь же душевно тонок» [Немзер, 2002].

В отличие от Р. Фрумкиной, А. Немзер считает, что «построенная на мемуарной основе, выразительно и настойчиво являющая читателю и многоцветный природный мир, и не менее богатый мир «предметный» (рукотворный), книга А.П. Чудакова настойчиво литературна. Читая роман, естественно вспоминаешь то Аксакова, то Тургенева, то Лескова. Но всего отчетливее звучат в книге две мелодии – чеховская и некрасовская» [Немзер, 2002].

На протяжении романа автор то и дело переходит с перволичного повествования на рассказ об Антоне (значимо чеховское имя). Чудаков не хочет, чтобы читатели увидели в книге лишь историю его семьи, ибо верит и знает: семья не была единственной. Но в наиболее пронзительных и духовно значимых пунктах «Антон» исчезает – здесь нужно прямое «я» и обращение не к деду-герою, но к деду единственному» [Немзер, 2002].

И. Сурат в статье «Слово и мир Александра Чудакова» находит, что книгу «Ложится мгла на старые ступени» «не без оснований сравнивали с «Былыми и думами» Герцена», сопоставляя произведение А.П. Чудакова

«еще и с пушкинским «Онегиным» - в том смысле, что автор раскрылся в этой книге со всей возможной полнотой» [Сурат, 2005].

Д. Рейфилд, говоря «о том, что А.П. Чудаков «писал не только ученые статьи, но и популярные биографические работы», отмечает, что «еще лучше, чем Чехова», литературовед «исследовал в зрелые годы самого себя». «Несмотря на то, что его произведение «Ложится мгла на старые ступени» названо романом-идиллией, в нем можно увидеть и написанную в свободной форме автобиографию. «Мгла», может быть, не хуже, чем «Детство» Толстого или «Деские годы...» Лескова, раскрывает душу автора. Северный Казахстан для Чудакова – все равно, что Таганрог для Чехова. [Рейфилд, 2006].

Аналогию с произведениями А.И. Солженицына и В.В. Набокова проводит Н. Елисеев, он считает, что книга «Ложится мгла на старые ступени» располагается между двумя полюсами литературы: «роман-идиллия образует такую вольтовую дугу литературы между «Одним днем Ивана Денисовича» и «Даром» [Елисеев, 2002].

В. Паперный, определяя роман А.П. Чудакова как автобиографический, полагает, что «подзаголовок «роман-идиллия» вполне можно было бы заменить на «в поисках утраченного времени». Критик увидел в герое книги черты А.П. Чудакова и А.П. Чехова: «Героя зовут Антон. Он историк, но при этом он все время мысленно описывает происходящее «книжным языком», как бы репетируя будущий роман. Можно сказать, что в Антоне слились чеховед Чудаков и сам Чехов» [Паперный, 2005].

А. Жолковский считает, что «автобиографический роман-идиллия» создан «искушенным филологом». Книга А.П. Чудакова оссоциируется у критика с произведениями не только Л.Н. Толстого, М. Пруста, но и М. Горького, А.И. Солженицына: «Детство изображается трудное, ссыльное, и в то же время счастливое, - как бы Горький-Солженицын, и в тоже время Толстой и немного Пруст» [Жолковский, 2002].

Т. Маркова в статье «Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания» говорит, что «на рубеже столетий о себе заявляет новое жанровое образование – филологический роман», примером которого, по мнению автора статьи, и является произведение А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» [Маркова, 2011].

Признаки различных жанров находит в книге А.П. Чудакова Д. Харитонов: «автобиографический роман «Ложится мгла на старые ступени» – книга гомерически смешная и невероятно грустная, жуткая и жизнеутверждающая, эпическая и лирическая. Интеллигентская робинзоада, роман воспитания, «человеческий документ» [Харитонов, 2011].

А. Степанов также различает в произведении А.П. Чудакова черты разных жанров: «литературной исповеди, романа воспитания, исторического романа, областнического романа, робинзоады, «литературы свидетельства», семейной хроники и даже «прозы поэта», отмечая при этом, что «литература движется смешением и смещением жанров и стилей, как показывал уже Тынянов». «Ясно, что нужно говорить не о жанре, а о жанровой доминанте, и она задана самим автором: роман-идиллия»- считает автор статьи «Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова». В указанной статье А. Степанов дает скрупулезный анализ соотношения идиллического и антиидиллического в романе А.П. Чудакова. Подзаголовок «роман-идиллия» кажется А. Степанову парадоксальным, вместе с тем критик усматривает в романе идиллическое начало, «в точном литературоведческом смысле». Опираясь на бахтинское определение идиллического хронотопа, исследователь показал, что роман А.П. Чудакова «соответствует, по крайней мере, трем из четырех выделенных Бахтиным разновидностей идиллического хронотопа: земледельчески-трудовому, ремесленно-трудовому и семейному». По мнению критика, романе присутствуют следующие признаки идиллии:

- место действия-город Чебачинск-исключительное в природном, интеллектуальном, социальном отношениях;

- «патриархальный клан» состоит из людей разных поколений, которые связаны «общим трудом, культурой, взаимной любовью»;

- идиллическая ситуация «дитя и старец» (взаимопонимание деда и внука –Антон), выдвинутая на первый план;

- «ритм жизни согласован с ритмом природы, следует календарному циклу – просто потому, что герои живут тем, что сами выращивают на огороде».

Противоположная сторона идиллического хронотопа «определяется историзацией вневременной по своей природе идиллии, то есть исходной ситуацией – «город ссыльных в сталинское время», - отмечает А. Степанов.

В статье обращено внимание на следующие отличия от идиллии:

- вынужденное поселение семьи на границе Казахстана (идиллия-родной край, где живут предки с незапамятных времен);

- герои оказались в Чебачинске, так как «бежали от сталинских репрессий или были высланы и потом остались из-за бесчисленных ограничений передвижения, которые» накладывала советская власть», в связи с этим «идеальный хронотоп» в романе – «здесь» и «сейчас», а «помещается в прошлое, историзуется»;

- «эпоха конца сороковых - начала пятидесятых все время подсвечивается взглядом извне- из гораздо более позднего времени»;

- вынужденный физический труд: «ситуация «натурального хозяйства эпохи позднего феодализма» не является следствием свободного выбора, хотя и не тяготит главных героев - деда и Антона». «С исторической дистанции» отец Антона отзывается о труде как о «рабстве», «жесточкой необходимости». Только дед и внук остаются полноправными героями земледельчески-трудовой идиллии»;

- передвижение героев: «В романе Чудакова герои либо вынужденно уезжают и вынужденно приезжают (судьбы «солдата трех войн» дяди Лени,

ссылкой тети Тани и ее детей), либо, как сам герой, осуществляют свою мечту и перебираются из провинции в столицу. Идиллический хронотоп постоянно размыкается. Но при этом нельзя сказать, что идейное и сюжетное движение романа – это разрушение идиллии. У А.П. Чудакова «идиллия оказывается не пространственной и не временной».

«Идиллия локализуется только в Культуре. А. Степанов считает, что культурные связи через время и пространство в романе устанавливаются интересом героя к истории литературы и общества.

В связи с тем, что «идиллия оказывается соотнесена с историей, неизбежно возникают противоречия, создающие во внешне свободном по композиции произведении второй – идеологический – сюжет, который и придает ему качества романа».

А. Степанов указывает «на тот «стержень» романа, на то идеологическое напряжение, которое выводит его за пределы мемуарного жанра и придает неразрешимую, почти трагическую конфликтность. Весь роман – это попытка примирения, медиации полюсов оппозиции «идиллический традиционализм» vs. «научный подход» и «прогресс». Это противопоставление организует весь текст [Степанов, 2009, с. 409].

Итак, проанализировав статьи критиков относительно жанровой проблематики произведения А.П. Чудакова, можно сделать вывод, что большинство исследователей сходятся во мнении, что роман А.П. Чудакова «Ложится мгла на тарые ступени» автобиографичен, при этом одни считают, что в нем нет идиллических признаков (П. Вайль), но склонны видеть в романе признаки робинзонады (Р.Фрумкина, П. Вайль, И. Булкина, Д. Харитонов). Другие находят в романе и литературность (А.Немзер), и черты идиллии (А. Долинин, А. Немзер, И. Булкина). Многие видят в романе признаки романа воспитания (А. Долинин, А. Степанов, Д. Харитонов), семейной хроники (А. Степанов), исторического романа (А. Степанов, И. Булкина), а то и филологический роман (Т. Маркова).

Для прозы XXI века характерны жанровые сочетания, переплетения, пересечения. Зачастую определение жанра книги зависит от того, как воспринимается само ее содержание. Автобиографический материал – действительно стержень произведения, однако авторское наименование жанра неслучайно.

Писатель сам определил жанр своего сочинения, назвав его романом-идиллией.: «Это будет последний роман-идиллия — ностальгия по доиндустриальной эпохе, но не патриархальной, как у Ф. Искандера, а русско-интеллигентски-патриархальной, осколок дворянского XIX века» [Чудаков, 2014, с.544].

В словарной статье об идиллии, находящейся в словаре «Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий», автором которой является А. Степанов, говорится, что в прозе идиллия возрождается в семейной хронике, приводится пример романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», однако отмечается, что «здесь имеет смысл говорить не об идиллии как жанре, а об идиллическом «способе чувствования» или «модусе художественности» [Степанов, 2008, с. 78].

Жанр идиллии – один из древнейших в литературе, сохранившийся до сегодняшнего дня, продолжает функционировать, становясь структурно более гибким. Цель идиллии, как писал Ф. Шиллер, «везде и всегда одна – изобразить человека в состоянии гармонии и мира с самим собой, с внешней средой, в состоянии невинности». Тематика современной идиллии этот ореол сохраняет, но становится более разнообразнее.

В произведении А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» есть признаки идиллического. Разнообразие оценок романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» отражает разнообразие представлений о современной пасторали как литературном жанре (к числу жанровых разновидностей которой мы относим буколику, эклогу, георгику, идиллию. В современной литературоведческой практике данные жанровые обозначения употребляются наравне с термином пастораль, нередко – как синонимы). Это

и «оазис», дивная природа города Чебачинска и его населенность интеллигентами; и сохраненная и созданная семьей Саввиных-Стремоуховых культура – духовная и материальная; и идиллический авторский взгляд на мир – «спокойный, мужественный, благорасположенный». Как видим, трактовка идиллического имеет вольную интерперетацию. На наш взгляд, в слове «идиллия» в названии произведения заключена мягкая, лирическая, грустная, ирония, сродни Чехову, о которой много писал А. П. Чудаков, и которая выражена в изображении мирной, благоустроенной жизни семьи Саввиных-Стремоуховых на фоне трагических исторических событий. А.П. Чудаков изобразил духовную идиллию, проявляющуюся в особом чувстве ностальгии по ушедшему времени и людям, которые жили в нем.

Книга по праву названа романом, то есть эпической формой, о чем свидетельствует широкая картина жизни общества, охватывающая значительный временной отрезок –прошлого века и описывающая судьбы нескольких поколений одной семьи.

Исходя из сказанного выше, роман – идиллию А.П. Чудакова правомерно отнести к литературе с главенствующим документальным началом - художественной прозе, повествующей о реальных событиях и лицах с привлечением документальных свидетельств.

2.2. История страны и судьбы представителей русской интеллигенции XX века: иноэтничный, культурно - бытовой и фольклорные контексты романа.

«Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать прошлое... значит, не понимать настоящее», – писал первый премьер-министр Индии Д. Неру. Безусловно все так. Прошлое постепенно покидает нашу память, сознание, однако настоящее связано с прошлым, с нашими корнями, в целом с нашей историей. Полагаю, именно эту глубокую мысль и пытался донести читателям А.П. Чудаков в романе «Ложится мгла на старые ступени».

Роман-идиллия А.П. Чудакова – произведение достаточно масштабное и основанное исключительно на реальных событиях, это слепок жизни целой эпохи в истории страны. Панорама русской жизни века XX с отголосками XIX века проходит перед глазами читателя. Здесь взгляд и на историю России, и на судьбы ссыльной интеллигенции, и сравнение времен. События, которые описывает Чудаков А.П., а также затронутые в романе темы конфликтов человека и государства, «России, которую мы потеряли» до сих пор остаются актуальными.

«Я хотел бы хоть чуть-чуть показать ту Россию, ту ее толщу, которую не описали эмигранты, потому что уехали, и не изобразили советские писатели, потому что было нельзя» - напишет А.П. Чудаков в дневнике.

Также на страницах дневника А.П. Чудакова мы находим записанный им отзыв о романе –идиллии К.Я. Ваншенкина, который называет книгу «Ложится мгла на старые ступени» «целой энциклопедией людей, вещей, ситуаций эпохи». «Если все это расположить в алфавитном порядке, действительно получится энциклопедия» [Чудаков, 2014, с. 575].

Исторический и иноэтничный контексты.

В романе – идиллии А.П. Чудакова представлен один из самых сложных и тяжелых периодов Российской истории, характеризующийся трагическими историческими событиями. Травматический ритм эпохи как бы отбивается с первых же страниц романа: до Первой мировой войны; ссылки; лагеря; высланные кулаки; довоенная пора; послевоенное время. Время, когда «...нигде планомерно не уничтожали торгово-промышленный, земледельческий, научный цвет нации, а оставшихся образованных не заставляли стыдиться своей образованности» - скажет дед главного героя романа А.П. Чудакова.

Географическое положение городка Чебачинска, где нашла приют семья Саввиных-Стремоуховых и многие ссыльнопоселенцы периода сталинских репрессий, оказалось почти курортным, сказалось неосведомленность столичного начальства: «...чиновник, который составлял документ, распределявший потоки ссыльных, плохо посмотрел на карту, решив, что Чебачинск – в голой степи. Но Чебачинский район был узким языком, которым горы, лес, Сибирь последний раз протягивались в Степь. Она начиналась в полутораста километрах, на карте неспециалисту это было не понять. А до самой Степи раскинулся райский уголок, курорт, казахская Швейцария» [Чудаков, 2014, с.41].

О тех людях, которые не по своей воле оказались на «курорте» в конце 1930-х – в 1940-е годы автор тоже пишет. Чебачинск -место, где можно было встретить «горючую смесь из интеллекта самой высшей пробы, раскулаченных хозяйственников, ярых оппозиционеров, смирившихся, озлобленных, опускающих руки, выживающих...». Все социальные слои общества предстают перед глазами читателя.

Население городка разделяется по волнам ссылки и социально-этническому признаку. Свободные от строгого расслоения столичного общества, люди общались непосредственно и влияли друг на друга.

Контингент ссыльных, поступивших в Чебачинск с начала 30-х годов XX века, был также различен как в интеллектуальном, так и нравственном отношении. Высланы были кулаки из Сальских степей; прибывали политические, «самый первый из них был Борис Григорьевич Гройдо, заместитель Сталина по национальным вопросам – его имя Антон потом нашел в красной Большой советской энциклопедии. Гройдо считал: ему очень повезло, что его сослали так рано-через пять –шесть лет так легко уже бы не отделался» [Чудаков, 2014,с.40]. «После убийства Кирова из Ленинграда поступило несколько дворян, появились Войековы и Свечины. Были привлеченные по Шахтинскому делу, платоновскому, делу славистов, попадались изгнанцы единичные, не групповики, -музыканты, шахматисты, художники-оформители, актеры, сценаристы, журналисты, неудачно сострившие эстрадные юмористы, стали присылать любителей рассказывать анекдоты». «С Дальнего Востока привезли корейцев. Перед войной стали поступать те, кто уже отбыл три или пять лет лагерей и получил еще пять или десять «по рогам»- поражения в правах, ссылку». «Перед войной поступила латышская интеллигенция и поляки, уже в войну-немцы Поволжья» [Чудаков, 2014, с.41].

«Чеченцев и ингушей выгрузили в голой степи,- пишет автор о тяжелой жизни ссыльно-поселенцев в казахстанских степях, -они нарыли себе землянок-нор — Копай-город. Рассказы Нины Ивановны о жизни в выдолбленных в мёрзлом грунте и накрытых жердями землянках, где по утрам в зыбках находили младенцев с инеем на щеках, были страшны. В первые же дни новосёлы образовали кладбище — за два-три года оно сравнялось с местным, которому было сорок лет» ». «Немцы устроились лучше, чем чеченцы: им разрешили почему-то захватить кое-какие вещи (до 200 килограмм на человека), среди них были плотники, кузнецы, колбасники, портные (чеченцы не умели ничего)» [Чудаков, 2014, с.42]. К тому же, размещенные недалеко от Чебачинска (в трех километрах) спецпереселенцы («депортированными их тогда не называли») –ингуши, чеченцы занимались

воровством, отличаясь жестокостью нравов: «чеченские нищие «не просили, а угрожали»; «Рассказывали, что под Степняком вырезали целую семью. Воровство в Чебачинске бывало и раньше, но чеченцы показали, что такое настоящий горский разбой; по дворам поползло- «абреки», откуда-то не очень образованные чебачиские казаки знали это слово» » [Чудаков, 2014, с.37].

Разъяснениям НКВД о том, что чеченцы и ингуши поголовно предатели, т.к. сотрудничали с немцами, чебачинцы не верили. Дед нашел в энциклопедии справку о том, что чеченцев –полмиллиона, и с карандашом в руках высчитал, сколько сотен эшелонов надо было оторвать от военных перевозок, чтобы их вывести. Отец Антона намекал Леониду Львовичу, чтобы результатом своих выкладок он ни с кем не делился. Его уже вызывали в НКВД по поводу пораженческих высказываний деда. «Но материалы попали тогда в руки бывшего дедова ученика и пока все обошлось» [Чудаков, 2014, с.38-39].

Чебачинск был уникален и населенностью интеллектуалами: «Такого количества интеллигенции на единицу площади Антону потом не доводилось видеть нигде» [Чудаков, 2014, с.43]. «Много было интеллигенции, которой разрешалось преподавать (кроме общественно-политических дисциплин). Математику у Антона в классе одно время вел доцент из Куйбышева, физкультуру - чемпион РСФСР по десятиборью среди юношей. Преподавателем музыки в педучилище состоял бывший профессор Московской консерватории, в местных больницах и диспансерах работали ординаторы из Первой градской, больницы Склифосовского, ученики Спасокукоцкого и Филатова» [Чудаков, 2014, с.42]. Иностранные языки (английский, немецкий) в местных школах преподавал Атист Крышевич – в прошлом - «атташе культурель посольства Латвии в Англии».

Каждый педагог был фигурой с незаурядной биографией. Так, математику преподавала Ольга Алоизиевна Белоглавок, которая начинала с

Лившицем и Ландау, высоко ценившими ее математический талант, но в 1934 году попавшая в Кировскую высылочную волну. Это она была автором школьных математических олимпиад. Английскому Антон учился у мадам Вильсон, которая была знакома с писательницей Лилиан Войнич.

В начале войны в Северный Казахстан (Курорт Боровое) была эвакуирована часть Академии наук: Обручев, Зелинский. Особенно в памяти Антона запечатлелся эпизод, когда отец показал ему Вернадского: «Видишь вон того старичка в круглых очках, с кошелкой? – сказал он тихо.- Посмотри на него внимательно и постарайся запомнить. Это академик, великий ученый. Потом поймешь. И назвал фамилию.

Я вытягивал шею таращился изо всех сил. Старичок с кошелкой и сейчас стоит у меня перед глазами. Как я благодарен за это отцу.

На первом курсе университета Антон узнал, кем был этот старичок, не спал по ночам от волнения при мыслях о ноосфере, от гордости за человеческий ум; за то, что такой человек жил в России» [Чудаков, 2014, с. 42-43].

Повествование о жизни в Чебачинске объято и упоминанием о Колыме, Карлаге и других суровых советских лагерях. Это входило в замысел автора: «Удастся ли мне показать пронизанность всей чебачинской жизни лагерем, ссылкой? Она была, эта пронизанность, была! А то стало модно говорить: страна жила своей жизнью, ходили в парк культуры...Может в Москве и ходили; в Чебачинске-Щучинске тоже ходили, но Гулаг не давал забывать о себе везде» [Чудаков, 2014, с.548].

Вся ткань романа пронизана рассказами о судьбах ссыльной интеллигенции. «Может, из-за того, что близко были Карлаг, Долинка и другие большие лагеря, или потому, что в Чебачье приезжали для отбывания послелагерной ссылки из самых разных мест, но осведомленность жителей была поразительна. И с младых ногтей Антон знал, что Козин отбывает срок под Магаданом, а Зоя Федорова – в

Дубровлаге, жена Зиновьева отмотала срок и после войны работает воспитательницей в детсаду в Магадане, что сидят жены Калинина и Молотова» [Чудаков, 2014, с.91]. И далее: «Слышал Антон и то, что в войну самые большие посадки и расстрелы были после крупных поражений на фронтах и осенью, когда предстояло собирать урожай, что сажали волнами: волна дворян, волна инженеров, ученых, церковников, партийцев». Судьба многих насельников Чебачинска драматична. Умирает профессор консерватории Серов, сосланный еще в 1938 году, преподававший музыку в станционной школе и городской. «В конце войны к нему приехала какая-то женщина, но очень скоро умерла. Буквально следом умер и он, поговаривали о самоубийстве» [Чудаков, 2014, с.142]. Роберт Васильевич, преподаватель немецкого языка, покончил самоубийством, «совсем немного не дожив до того времени, когда немцам разрешили возвращаться в свое Поволжье». В кладовке для протирной ветоши при электростанции живет ссыльный инженер Попов. Шахматист Егорычев по доносу своего соперника вместо всесоюзного шахматного турнира попадает на Беломорканал, а затем в Чебачинск. Соломон Борисыч, сорок лет проработавший на Кузнецком мосту в известном салоне парикмахером в Чебачинск попал за язык, «наговорил на пять лет и на пять по рогам». Атист Крышевич, преподаватель иностранных языков у Антона, через Караганду, Карлаг, «а через десять лет, получив еще пять по рогам» сначала попадает в Степняк, а затем в Чебачинск. Список этот внушителен.

О массовом голоде на Украине в 1932-1933 годах автор тоже упоминает на страницах романа: самый младший, восьмой ребенок в семье деда и бабушки, умер в 1920 году (не стало молока у кормящей матери), невероятными усилиями бабушка сохранила детей во время голода на Украине. «В голод они выжили только благодаря бабке, - пишет А.П. Чудаков, - семеро детей, младшему — три года. Бабка брала на дом бельё, стирала его целыми днями, и четыре старшие дочери — им было по 10–12 лет — гладили огромные кипы. Отправляла всех, включая пятилетнюю маму,

собирать вдоль дорог маленькие яблочки, которые потом сушила и делала на сахарине что-то вроде компота. Дед преподавал литературу в расквартированном неподалёку конном полку - начальство считало, что кавалеристам это необходимо. Когда резали выбракованных лошадей, деду давали конину, бабка крутила котлеты, а 14-летний Коля продавал их на базаре; на эти деньги покупали детям молоко, а также спички, мыло, соль. Прошёл слух, что в крупную соль мешочники подмешивают толчёное стекло, отличить невозможно» [Чудаков, 2014, с. 458].

Война в романе-идиллии А.П.Чудакова представлена в рассказах тех, кто принимал в ней участие. Это и личный опыт чебачинцев-участников войны, и свое понимание общеизвестных событий.

По словам дяди Антона- Николая Леонидовича, чтобы выжить на войне, было необходимо быть волевым и сильным духом человеком, уметь преодолевать человеческие пороки: «Кто не ленился отрыть окоп в полный профиль, сделать лишний накат на землянке. Кто не пил перед боем наркомовские сто грамм – притупляется осторожность. Кто не шарил в Германии по домам» [Чудаков, 2014, с. 188].

Силой воли и силой духа необходимо было обладать не только для того, чтобы выжить на войне, но и для того, чтобы выжить в тяжелых жизненных условиях, в которых оказалось население страны в ссыльные годы, военное время в тылу, послевоенное время.

Бытовой и культурный контексты. В романе быт и культура повседневной русской жизни середины XX века представлены изображением повседневности советской провинции (описание вещей, необходимых в быту, предметного мира). По-разному ссыльная интеллигенция выживала в отрезанном от мира месте с плодородными землями и чистым воздухом, но объединяло их одно: выживание требовало силы. Интеллигенты-горожане не чуждались физического труда, сумели грамотно организовать хозяйственно-

бытовой уклад жизни. Тяжелому физическому труду посвящено много страниц романа.

Примером выживания в непростой период советской истории является жизнь семьи Саввиных-Стремоуховых. Какими способами Леонид Львович организовывал и обеспечивал выживание своей трудолюбивой семьи в глухой провинции показательно описано в главе «Натуральное хозяйство XX века». Основой мощного хозяйства семьи были кооперативный конь Мальчик и корова Зорька. «Выращивали и производили все. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном, плотник и шорник (дед), химик-органик (мама), дипломированный зоотехник (тетя Лариса), повар-кухарка (бабка), черная кухарка (тетя Тамара), слесарь, лесоруб, косарь (отец)». «Умели столярничать, шить, вязать, копать, стирать, работать серпом и вилами. Бедствиям эвакуированных не сочувствовали: «Голодаю! А ты засади хотя бы сотки три-четыре картошкой, да капустой, да морковью-вон сколько земли пустует! Я-педагог! Я тоже педагог. Но сам чищу свой клозет. Самой низкой оценкой мужчины было: топора в руках держать не умеет. В этой стране, чтобы выжить, все должны были уметь делать всё» [Чудаков, 2014, с.117-118].

Есть в книге и другие примеры того, как люди интеллектуального труда обращали свои знания себе на пользу: ссыльный шахматист Егорычев устроил теплицу и жил безбедно, а профессор Резенкампф, занимавшийся в Ленинграде муфельными, стеклоплавильными, ваграночными печами стал в Чебачинске известным печником. Анастасия Ивановна Цветаева, отбывавшая ссылку, «сначала ничего не умея, завела потом огород, выращивала картофель, овощи. И жила нормально. Но таких было мало»,- добавляет автор. Были и другие: голодали, продавали последнее, но обрабатывать землю не хотели» » [Чудаков, 2014, с.60].

«Чудаков «возвращает русской литературе Героя и обращает в прах пошло-банальную истину про русского интеллигента, слабого и

нежизнеспособного, про «лишнего человека», погубившего Патриархальную Великую страну»- говорит И. Булкина [Булкина, 2012].

«Про приусадебные участки друг друга знали все – кто что сажает, какой урожай. Обменивались семенами; в горячую пору, если кто заболел или кого взяли на фронт, помогали вскопать огород, вырыть картошку. После службы, после колхоза все копались на своих огородах до темна». » [Чудаков, 2014, с.118-119]. На огороде семьи Саввиных-Стремоуховых росло все, а урожаи были невиданными благодаря деду-«докучаевцу».

Члены клана Саввиных-Стремоуховых отличались находчивостью, умением самостоятельно создать то, что нельзя было купить в советское время в провинции. После того, как в первый день войны исчез сахар из магазинов, а у «спекулянтов» стакан можно было купить за сто рублей при учительской зарплате, составлявшей тысячу триста рублей, в семье Саввиных-Стремоуховых было налажено сахарное производство. «Засаживали солнечную сторону огорода сахарной свеклой. Все лето сушили и строгали, подгоняя заподлицо доски для пресса», «сахар почему-то не делали, а вытомляли коричневую патоку». (Рецепт патоки, подробно изложенный бабушкой Антона, приводится автором на страницах книги)

«При посадке картофеля, - продолжает А.П. Чудаков, - во всякую лунку сыпали из трех разных ведер: древесную золу, перегной и болтушку из куриного помета. Из картошки делали крахмал, на нем варили кисель из моркови, иногда овсяный, для чего на жерновках мололи овес. Часть крахмала шла на отцовские манишку, воротнички и манжеты, ослепительность которых поражала каждого нового эвакуированного преподавателя» [Чудаков, 2014, с.122-123].

«В один год особенно уродилась морковь, набили половину подпола, всю зиму ели морковный суп, тушили морковь в молоке, с луком, с

картошкой, свёклой, мелконатёртую сушили на листах в духовке — для морковного кофе» [Чудаков, 2014, с.120].

Варить мыло считалось делом простым: щелочь да бросовый животный жир... «Мыло, правда, получалось вроде хозяйственного, грязно-бледно-коричневое», но «функцию свою выполняло, хотя было едкое»; «когда родилась сестра, для ее мытья сварили из стакана сливочного масла кусочек другого, туалетного мыла» [Чудаков, 2014, с.125].

Самостоятельно пекли хлеб, занимались кожевенным производством, «вершиной хозяйственно-производственной деятельности клана» стало изготовление медицинского градусника. «Единственное, чего не производили...- самогона»

Вернувшийся с войны зять деда - Василий Илларионович, молча осмотрев «пресс для свеклы, ручные жерновки, решето, сделанное из детской ванночки (с неделю аккуратно дырявили дно пробойником), знаменитый самодельный градусник, мохнатый нескладывающийся зонт из телячьей кожи, деревянное корыто для свиней, выдолбленное из комля липы, приспособление для формовки мыла» был впечатлен образцом натурального хозяйства позднего феодализма.

И все же, несмотря на непрерывный ежедневный труд, постоянную, с утра до вечера, работу по пропитанию, жили все равно голодно. «Самым тяжёлым месяцем, - говорит А.П. Чудаков, - выходил январь, когда зерно, заработанное в колхозе, кончалось, корова – на издое, давала, как плохая коза, и переставали – от холода – нестись куры»; на вопрос Антона о том, «как жили те, кто так не работал» никто не мог ответить.

Выручала в годы войны, дефицита товаров также запасливость деда и бабушки. У деда в кладовке хранились «фитили, листы оконного стекла, сургуч, канифоль, точильные бруски, мешковина, полотна ножевых по металлу, болты и гайки, ненасажанные топоры и молотки, куски сапожного

вара, пряжки, мусаты, напильники» Среди запасов бабушки были «иголки, пуговицы, напёрстки, нитки мулине и обычные (в ненавистных комках), тесьма, обрезки флизелина, корсажная лента, бахрома, клеёнка, скатерти и даже неиспользованные простыни голландского полотна» [Чудаков, 2014, с.134-135].

«Может, такими запасливцами и выжила огромная страна, её гигантский тыл, где всё было для фронта, всё для победы, где практически исчезли магазины и годами не поступали населению кастрюли, бритвы, градусники, ножницы, зубные щётки, очки» - резюмирует автор» [Чудаков, 2014, с.135].

Отношение к «хозяйственно-производственной деятельности» было различным: для Антона она являлась творчеством, для отца – «рабством», «жестокой необходимостью, категорическим императивом», «сельскохозяйственным вековым циклом», где приходилось работать день и ночь. Отец не любил вспоминать «годы войны и послевоенную чебагинскую жизнь, не разделял ностальгические восторги по поводу натурального хозяйства». Дед занимался сельским трудом не только по долгу своей службы, но и по призванию, подтверждая фактом личного существования справедливость представлений, о том, что счастье – в труде. При этом ежедневный и тяжелый труд в романе-идиллии А.П. Чудакова не превращается в единственный смысл жизни героев.

Быт в романе описан с мельчайшими подробностями. С. Бочарову, знатоку быта описываемой поры и соратнику Чудакова А.П. мы не можем не верить: «Изобилие материальных и бытовых подробностей поражает нас в романе-идиллии. Словно мы читаем старый добротный русский роман. <...> Это роман-эпоха, обнимающий несколько десятилетий прожитой нами с автором вместе суровой советской жизни. <...>. Но основной мир романа, тот угол послевоенной советской жизни, откуда вышел автор-герой, мне, конечно, был неизвестен. Неизвестен он и нашей литературе – та полусыльная... среда, обосновавшаяся в конце 30-х на границе России и

Казахстана, здесь, в этом романе, впервые литературе открыта и явлена. <...> Это открытие неизвестного нашей литературе особого мира. Отсюда, видимо, изобилие материальных подробностей...» [Бочаров, 2005].

Все, что умели делать в семье Саввиных-Стремоуховых, в которой вырастает Антон, автор показывает с широкой осведомленностью, не упуская мельчайших подробностей, употребляя при этом профессиональные названия и термины. А.П. Чудаков старается назвать каждую вещь, не забыть ничего, поделиться своими знаниями, запечатлеть их словесно, чтобы сохранилась память об уходящей эпохе. Мы узнаем, как надо запрягать коня, рыть яму, построить сруб. Есть в романе и описание правильного выбора дерева для того, чтобы наколоть лучину; описано как правильно растопить печь, чтобы не угореть. Как шинковать капусту, обжарить лук, до золотистого цвета, и что делать, чтобы такой цвет оказался у бульона; когда надо в холодную, а когда в горячую воду класть мясо; как вырезать плавники у рыб, и как покрасить яйца луковым отваром к Пасхе, получая полдюжины оттенков, - это уже знания, полученные из уроков бабушки. Полученные в детстве знания автор сохранил и, переехав в столицу, успешно их применяет. Он не чурается чередовать научную работу с привитым с детства физическим трудом – по всем правилам удобряет сад и огород, копает ямы, столярничает, плотничает.

В книге А.П. Чудакова описано множество историй о разных событиях, людях, животных, вещах, находящихся в «микросюжетах», названо множество имен, интересных сведений, которые привносят важные штрихи в понимание эпохи. (Подробно вопрос о «микросюжетах» в романе рассмотрен в статье Р. Лапушина «Живая свежесть» (К поэтике романа – идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» [Лапушин, 2009].

На предметной составляющей в романе делается сильный акцент. Огромен предметный предметный мир книги. Самой разнообразной информации колоссальное количество: о происхождении фамилий и значении слов, о том, сколько весят уши слона и как они участвуют в его

терморегуляции, об изобретателях керосиновой лампы, школьной парты, о названиях различных кружев, о Первой конной Буденного, и др.

Автор предельно точен: «самый быстрый зверь, развивающий скорость 110 верст в час, гепард (ему, как и борзой, гибкий позвоночник позволяет выбрасывать задние ноги далеко вперед); самый сильный звук в истории – взрыв в 1838 году вулкана с замечательным именем Каратау», в гибели «Титаника» «поражало все: размеры, скорость, роскошь салонов, коллекция бриллиантов стоимостью в пять миллионов фунтов стерлингов, 1 523 человека погибших», перечислены даже имена (которые удалось разобрать «на пожелтевшей вырезке из английской газеты») музыкантов из оркестра, который играл «на верхней палубе до конца, когда нижние уже погружались в пучину океана».

Итак, предметы обладают историко-бытовой функцией.

Примечательно, что каждая вещь прошлого характеризуется уникальностью и прочностью. Раньше был творческий подход к созданию вещей, в советское же время, по словам деда, «фабрика, поток, конвейер»: «Антон любил рассматривать вещи деда и бабы: швейцарские карманные часы, подсвечник, ложки, зеркальце, изящные черепаховые гребни, бритву, помазок слоновой кости, бумажник, фарфоровую кофемолку, принадлежавшую ещё бабке бабки, английскую булавку длиной с ладошку – ни один из этих предметов не имел никакого отношения к конвейеру и фабричному производству. Вещи все были замечательной прочности» [Чудаков, 2014, с. 231-232]. Однако причиной задержки домашних вещей оказалась не только их прочность, «всеобщая нищета» и «нехватка товаров». Долговечностью обладали не только вещи, все, что было создано в дореволюционное время отличалось основательностью: в конце XX века «стоят также прочно, не оседают, не гниют, не требуют капитального ремонта» здания, построенные купцом Сапоговым.

Старый мир преветен. В «вещных» категориях историю России XX века и понятие эволюции осмысливает А.П. Чудаков на страницах романа:

«Основная проблема-быстрота смены вещного окружения человека, у которого все смелее отбирают вещи привычные и любимые, заменяя их новыми, которые надо осваивать. Раньше вилкой или тарелкой пользовались четыре поколения, а одноразовый пластиковый прибор находится в руках двадцать минут, после чего отправляется на свалку <...> Предполагается устроить предметный мир меняющимся во всех его элементах-как если б человек всю жизнь куда-то ехал, глядя в окно вагона» [Чудаков, 2014, с. 429].

Предметный мир устойчивее мира нематериального, так считал А.П. Чудаков. Нематериальный человеческий мир хрупок, его можно разрушить по воле истории, переиначить, вещи же, сделанные умело и с любовью, долговечнее людей. Вещи, оставшиеся от предков, дарили ощущение сопричастности роду, прибавляли сил, давали опору в жизни.

Уловив тенденции современного мира - всеобщее потребительство и обесценивания вечных ценностей, А.П. Чудаков не преминул в романе дать этим явлениям свою моральную оценку: «Главная беда в другом. Вещь человек принимает в свою душу<...>. Раньше транссубъектный мир был устойчив. Форма глиняного горшка не изменялась тысячелетиями; бюро с ломоносовского времени не сильно отличалось от аналогичного предмета 1913 года. Но всё чаще наш современник не может понять назначение не только старинной вещи, но и предмета даже в скудном отечественном хозяйственном магазине. Вещная смена в западных странах фантастически быстра, а разнообразие приобретает размеры чрезвычайные. У человека всё смелее отымают вещи привычные и любимые <...> Человек может вынести всё. Двадцать лет одиночки и даже северную яму-тюрьму без крыши, как протопоп Аввакум. Но не лучше ль потратить эти огромные богоданные психические ресурсы не на безостановочное выбиранье, покупку, обнашивание, выбрасывание, снова выбиранье, а в нашей стране ещё доставание, опять привыкание, снова выбрасывание, — на решение более

духовных проблем? Нужна защита психики современного человека от стремительно растущей агрессии вещей, красок, от слишком быстро меняющегося мира <...> [Чудаков, 2014, с. 426-427].

И еще одна запись из дневника автора, датированная 2 марта 2005 года, заставляет читателя глубоко задуматься: «Ничего хорошего не ждет человечество ни в ближайшем, ни в дальнейшем будущем. Не завидую тем, кто это увидит. И завидую тем, кто застал мир до Первой мировой войны: золотой век с его верою, что так будет всегда» [Чудаков, 2014, с.601].

Описания предметного мира, вещного мира переплетаются с экскурсами в историю, давнюю и разворачивающуюся на глазах героев книги.

Фольклорный контекст. Фольклорная действительность в романе занимает немалое место. А П. Чудаков не перечисляет фольклорные тексты, характерные для эпохи, а рассматривает их в культурно-бытовом контексте. Байки, песни, легенды, детские игры, слухи – все включено в повседневную жизнь. Описаны в книге и идеологическое мифотворчество времен войны и другие события, о которых в советское время говорили только с хорошо проверенными людьми, сидя на кухне.

Антон, читавший все о войне (журналы, статьи о героях-пионерах и о взрослых героях, книги-художественные и нет), все настоящее узнавал о ней «на бревнах перед домом лесника Шелепова» из «военных откровенных» разговоров фронтовиков. Например, из рассказа Оглоцкого Антон узнал, что «Матросов вовсе не первым закрыл амбразуру», в полку рассказчика «сержант Семенко сделал это на два месяца раньше»; Крысчат слышал, что амбразурщиков было больше сотни. Гурий, воевавший в дивизии Панфилова, точно знал, что из двадцати восьми героев несколько осталось в живых» [Чудаков, 2014, с. 215]. Антону больше всего нравился летчик фамилией Гастелло. Впоследствии герой-рассказчик узнает, что с Гастелло в

реальности все обстояло иначе. «Так, впрочем, получилось в конце концов почти со всеми героями». Благодаря советской пропаганде в общественном сознании складывались заблуждения об уникальности подвига какого-то одного героя, которого выделяли из числа множества подобных. «Говорят о погибшей мученической смертью Зое Космодемьянской, но почему никто не говорит о партизанах Игнатовых, «изобретших не обнаруживаемые миноискателем деревяннокорпусные мины и подорвавших десятки поездов?» - задается вопросом Антон. Советской системе было необходимо создание мифов: «Народу, с точки зрения власти, нужна не истина – нужен миф», «миф требует единичности» - говорится в романе.

Советская идеология пропагандировалась всюду: в официальных учреждениях, университетах, школах, книгах, журналах, газетах. Антон, родившийся и живший в Советскую эпоху, не мог не испытать ее влияния: в детском и отроческом возрасте он был увлечен советскими мифами, которые развеивались со временем. Автор показывает в романе разрыв между повседневной, бытовой речью, разговорами деда и тем, что официально пишут в газетах и говорят по радио.

В Москве (в повествование вплетены московские главы), уже будучи студентом исторического факультета МГУ, Антон пытался найти что-нибудь положительное в строе, «пользу советской идеологии», увлекался Сен-Симоном, Фурье, ранними работами Маркса, но это был недолгий период в жизни Антона. В условиях запутанной и запутывающей государственной идеологии семейные традиции и дружба с благородным человеком – дедом-помогают Антону ориентироваться в жизни. «Монархическое» воспитание деда, наблюдательность и умение размышлять побеждают: «Зачем я спорил с ним, когда уже понимал все? Из ложного чувства самостоятельности? Чтобы в чем-то убедить себя? Как, наверно, огорчился дед, что его внук поддался советскому вранью. Дед, я не поддался! Ты слышишь меня? Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был

прав во всем!» [Чудаков, 2014, с. 493-494]. Антон остается верен традициям, нормам и ценностям, унаследованным от деда.

Итак, в произведении А.П. Чудакова повествуется не только о ссыльных, военных, послевоенных сталинских временах, объята большая часть XX века, воссоздается на страницах книги и предшествующий советскому миру уклад. Автор пишет об уцелевших «нормальных людях в ненормальных обстоятельствах и о сохранении нормальности» [Маркова, 2010]. А.П. Чудаков описывает собственную семью интеллигентов, которая старается выжить в предложенных обстоятельствах: «Человек духовного звания женится на барышне дворянского происхождения, у них рождаются дети, и поначалу все идет как нельзя лучше, если не считать российской истории. В российско-советской истории такой семье выжить было мудрено. Однако она выжила. Такова была сила, мудрость и привычка к выживанию у потомственных интеллигентов» [Булкина, 2012]. Однако, семья не была единственной, автор показывает, что за историей городка Чебачинск проглядывается история всей России, а за историей отдельной семьи, которая пыталась восстановить привычный образ жизни в новых условиях, видится история народа. Особое внимание писателя уделено подробному, детальному описанию быта и предметного мира. Таким образом, в романе объемно, художественно изображены различные стороны русской жизни.

2.3. Преломление научных интересов А.П. Чудакова в романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени»

В откликах на книгу А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» многие критики обратили внимание на связь научных интересов ученого с его художественным произведением (А. Жолковский, В. Паперный, В.Яранцев, Л. Соболев, И. Сурат, А. Степанов, А. Немзер и др.)

«Какова была жизнь в нашей стране 50-60 лет назад, объяснять не надо. Предметный мир тоже был совершенно другим – я попробовал среди прочего показать это в своем сочинении» - написал А.П. Чудаков в дневниках. «О всегдашнем неутолимом интересе к подробностям окружающего мира» литературоведа и его «пристальном внимании к деталям художественного текста» в статье «Слово и мир Александра Чудакова» вспоминает И. Сурат: «Два эти интереса имеют общий корень в глубине его личности. На одной из презентаций своего романа Александр Павлович рассказал, что формирующее впечатление произвел на него когда-то в ранней юности список жизненно необходимых вещей, спасенных Робинзоном Крузо с затонувшего корабля. Здесь истоки его филологических пристрастий <...>, здесь же истоки его романа, в котором сохраненная материальная культура, как и природа, возводится в ранг высшей духовной ценности» [Сурат, 2005].

О том, что А.П. Чудакову было свойственно «редкостное чувство предмета и вещи» говорит и Ю. Чумаков: «Слово и вообще все, что говорит, в семиотическом смысле, это еще одна стихия, где А.П. чувствовал себя своим. Именно потому, что он так сильно чувствовал слово, он великолепно описал чеховскую словесную стилистику, но об этом единстве слова, вещи и мира – и его собственный роман» [Чумаков, 2005].

Тема предметного мира всегда волновала Чудакова-ученого. Об этом его книга «Слово-вещь-мир: от Пушкина до Толстого», глава «Предметный мир» в монографии «Поэтика Чехова», статьи: «Предметный мир Достоевского»,

«Вещь в мире Гоголя», «Предметный мир литературы (к проблеме категорий исторической поэтики» и др.

Предметный мир в романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» изображен с доскональной подробностью, что свидетельствует об отражении в произведении основного литературоведческого интереса А.П. Чудакова к вещному миру литературы, в частности, к прозе А.П. Чехова, о внимании ученого к деталям.

В. Яранцев в статье «Лабиринты и отражения- 5 (О литературе и не только современной)» [Яранцев, 2013] отмечает, что «ключевое для писателя-чеховеда слово «мир» удачно характеризует и «роман-идиллию», ибо «Ложится мгла на старые ступени» не роман, а «мир», только не Чехова, а Чебачинска и его обитателей глазами любознательного наблюдателя». Открытия, сделанные в книге А.П. Чехова «Мир Чехова: Возникновение и утверждение» реализуются, по мнению критика, в будущем романе литературоведа. Например: «Отношение к предмету как всем известному, привычному» ведет к «полной инклюзии его повествователя» в изображаемый мир, «в который он и его читатель погружены в равной мере». Соответствие монографии и художественного произведения В. Яранцев называет «отношениями комментария – «ключа» к роману».

А. Жолковский отмечает, что «фактографическая густота письма», свидетельствующая «о мемуарной подлинности текста», «доведена до какой-то невозможной супер-кондиции автором – теоретиком «вещного» подхода к миру писателя (в частности, «Миру Чехова» [Жолковский, 2002].

В том, что не меньшую роль в романе играют животные и вещи, предметы домашнего обихода А. Степанов видит «равенство большого и малого, существенного и случайного, которое Чудаков находил в прозе и драматургии Чехова» [Степанов, 2009, с. 402].

Связь изменения повествования в романе и исследования А.П. Чудаковым повествовательной манеры А.П. Чехова отмечают и критики. А. Жолковский, говоря об особенности перехода повествования от первого

лица к третьему в романе, полагает, что в этом «чувствуется волевая рука литературоведа, посвятившего не одну сотню страниц «Поэтике Чехова», в частности, его нарративной работе с точками зрения» [Жолковский, 2002].

В. Паперный считает: «переходы повествования кажутся случайными, что напоминает о концепции случайных деталей в книге Чудакова «Поэтика Чехова» [Паперный, 2005]. Также критик полагает, что в Антоне «слились Чудаков и сам Чехов»: герой-историк, «но при этом все время мысленно описывает происходящее «книжным языком», как бы репетируя будущий роман».

А.П. Чудаков, исследуя повествовательную манеру А.П. Чехова в «Поэтике Чехова», отмечает, что все его рассказы, «не написанные в форме подневных (дневниковых) записей, деловых бумаг, объявлений, календарей», делятся на 1) рассказы от первого лица, в них рассказчик выступает как «реальный человек», «физически» существующий в том же мире, в котором действуют персонажи произведения», 2) рассказы в третьем лице, где «о всех героях говорится только в третьем лице», «изложение в них происходит не персонифицированным рассказчиком, а условным повествователем, который не превращен в реальное лицо и не входит в мир произведения» [Чудаков, 1976, с.12], 3) рассказы-сценки. В романе-идиллии повествование изменчиво: рассказ ведется от лица Антона-маленького и взрослого, однако повествование переходит от первого лица к третьему и наоборот. Связывая изменчивость повествования в романе с описанием особенностей повествования в рассказах А.П. Чехова в «Поэтике Чехова», можно сделать вывод, что в романе рассказчик «персонифицирован», присутствует «физически» (первое лицо) и вместе с тем отстраняется, становится условным (третье лицо).

Удивительным кажется совпадение инициалов А.П. Чехова и А.П. Чудакова, начальные буквы имени и отчества героя романа «Ложится мга на старые ступени» также совпадают с инициалами литературоведа-прозаика и классика XIX века. Примечательно, что героя зовут, как и Чехова, Антон.

Действительно, в образе «книжного образованного мальчика», любознательного, обладающего особой любовью к словам, необыкновенной памятью, соединились черты самого А.П. Чехова и чеховеда А.П. Чудакова.

С исследованиями творчества А.П. Чехова связано и описание провинции в следующем фрагменте романа: «Русская провинция! Как периферия литературная – иллюстрированный журнал, газета, малая пресса всегда была холодильником жанров, не сохранившихся в большой литературе, – романтической повести, физиологического очерка, мелодрамы, – так периферия географическая, русская провинция сохранила семейное чтение вслух, лоскутные одеяла, рукописные альбомы со стихами от Марлинского до Мережковского, письма на десяти страницах, обеды под липами, старинные романсы, фикусы в кадках, вышивки гладью, фотографии в рамках и застольное пение хором» [Чудаков, 2014, с. 53]. Как уже отметил А. Немзер в статье «Мир Чудакова» [Немзер, 2005], «образ провинции как «холодильника», в котором хранятся отвергнутые центром обычаи, умения, речевые обороты и «простые предметы», прямо соотносится с «идеей о «малой прессе», представляющей собой «хранилище временно утративших актуальность жанров или стилевых тенденций».

Масштабность, всеохватность описанного в романе ассоциируется со стремлением «освоить все печатные отклики» критиков на сочинения А.П. Чехова, «проштудировать всю «малую» и пред- и околочеховскую прозу» [Немзер, 2005], с идеей «тотального комментария» к «Евгению Онегину», а также с интересом А.П. Чудакова к миру писателя и миру каждого человека – что отразилось на наличии в романе множества историй.

Книга А. П. Чудакова переполнена юмором. Во вкусе Чехонте написана глава о Ваське Гагине «Гений орфографии Васька Восемьдесят», вызывающая безудержный смех. «Всякий раз, когда Антон видел кирпич или слово «кирпич», он вспоминал Ваську Гагина, который это слово писал так: кердпич. Слово исчерчивалось красными чернилами, выводилось на доскею Васька всматривался, вытягивал шею, шевелил губами. А потом

писал: «керьпичь». Когда учительница поправляла: падежи не «костьвенные», а косвенные, Васька подозрительно хмурил брови, ибо твердо был уверен, что название это происходит от слова «кость»; Клавдия Петровна в конце концов махнула рукой». Чебачинский школьник придумал собственные правила русского языка. «Из своего орфографического опыта он сделал незыблемый вывод: в русском языке все слова пишутся не так, как произносятся, причем как можно дальше от реального звучания. Все исключения, непроезносимые согласные, звонкие на месте произносимых глухих, безударные гласные – все это бултыхалось в его голове, как вода в неполном бочонке, который везут по ухабам, и выплескивалось с неожиданной силой» [Чудаков, 2014, с.84]. В ста словах диктанта Васька мог сделать сто тридцать ошибок. «Васька был гений и как всякий гений был неповторим. Где, чья изощренная фантазия додумалась бы до таких шедевров, как «пестмо», «пе-джаг», зозтежка?» [Чудаков, 2014, с.84]. Вместо «чеснок» Васька писал «честног», «апперкос» вместо «абрикос». Стихи из школьной программы читал «гениально-бессмысленно», особым образом расставляя смысловые ударения: «Умру я скоро-жалкое наследство!» (тире вместо точки и восклицательный знак в конце – гагинские) или: «Уж реже солнышко блистало,/ Короче: становился день» («гениальное» двоеточие).

О том, что для А.П. Чудакова важна тема памяти свидетельствуют его комментарии к работам знаменитых филологов, воспоминания об ученых В.В. Виноградове, С.М. Бонди, В.Б. Шкловском, «идеи переиздания филологического наследия – работ выдающихся филологов прошлого», комментарии к сборникам Ю.Н. Тынянова, В.В. Виноградова, А.П. Чехова. Л. Соболев называет память и главным мотивом романа А.П. Чудакова «Пожалуй, память-главный мотив его замечательного романа. И даже его сожаление о том, что изменилось отношение к вещи, к предмету-теперь вещь не наследуют и не хранят, а меняют, -связано, наверное, с убеждением, что и в дедовской этажерке или ложке тоже живет память» [Соболев, 2005].

О том, что тема памяти, запоминания, свидетельства исторических фактов занимала А.П. Чудакова, свидетельствует и запись в дневнике литературоведа, в котором он пишет про работу над романом-идиллией «Ложится мгла на старые ступени»: «Мне интересен в герое не ребенок, а тот, кто запомнил взрослую жизнь 50 лет назад, т. е. запомнил уже- историю» [Сборник памяти, 2013]. Роман-идиллия «Ложится мгла на старые ступени» - это еще и благодарность А.П. Чудакова всем, кого он упоминает в своей книге, за то, что они были в его жизни и оставили в ней свой неповторимый след. Обращение к идиллическому миру детства, построение связи с прошлым, помогает автору духовно воссоединиться с людьми, которых он любил и которых уже нет, обрести внутреннюю гармонию, которая необходима в хаосе настоящей реальности, обрести возможность принести деду «последний поклон» за то, что он прорастил в нем талант, помог вырасти достойным человеком.

Мысль о том, что «формирование человеческой личности» происходит в детстве прослеживается в научной работе А.П. Чудакова «Антон Павлович Чехов: книга для учащихся», где представлена биография А.П. Чехова, на описании детства писателя в которой делается особый акцент. А. Немзер отмечает, что «треть» ее «посвящена таганрогскому хронотопу, а общая логика ненавязчиво подводит к выводу: без этого детства Чехов не стал бы Чеховым» [Немзер, 2005]. Те же слова можно сказать и об Антоне Стремоухове – герое романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени». Основой и созидающей силой в формировании человеческой личности является семья: здесь закладываются основания человеческой души, возникает чувство родства - первоначальное, естественное выражение тех отношений, которые складываются между людьми, составляющими социум. Детство, проведенное в Чебачинске - городе уникальном в интеллектуальном и природном планах, культурная среда (духовная, материальная), в которой возрастал мальчик, воспитательная система деда, оказали на его становление непосредственное влияние.

Именно дед стал главным человеком в жизни Антона, сотворил его душу, оказал на него решающее духовное воздействие. Несмотря на шестьдесят лет возрастной разницы, между дедом и внуком складывается полное взаимопонимание. Дед стал для героя подлинным хранителем опыта, так герой размышляет на могиле деда: «Здесь лежит тот, кого он помнит с тех пор, как помнит себя, у кого он, слушая его рассказы, часами сидел на коленях, кто учил читать, копать, пилить, видеть растение, облако, слышать птицу и слово; любой день детства не вспоминаем без него. И без него я был бы не я» [Чудаков,2014, с.94]. Главный герой книги - счастливый человек, как счастливы герои автобиографических книг о детских и юношеских годах И. Шмелева, В. Астафьева, И. Бунина, М. Горького, А. Толстого, И. Аксакова – авторов, создавших свою мифологию детства тем, что на их жизненном пути оказались дорогие сердцу люди, способные озарить своим существованием внутренний мир своих воспитанников.

«Индивидуальность для Чехова неотделима от творческого начала (не важно, идет ли речь о враче, певчем, мастеровом, художнике или собаке) и почтения к органической жизни», - отмечает А. Немзер [Немзер, 2002]. Это, по мнению критика, интерпретировано в чеховедческих работах А.П. Чудакова и отразилось в его художественном произведении. Действительно, в романе в лице главных героев (Антон, дед) представлен образ интеллигента «чеховского типа»: человека, в котором совмещаются творческое, созидательное отношение к действительности, любовь к интеллектуальному и физическому труду-таким был А.П. Чехов, таким был и А.П. Чудаков.

Заключение

Основным направлением научной деятельности А.П. Чудакова было изучение русской литературы XIX века.

Особый интерес литературовед проявлял к предметному миру литературы, считая, что «мир воплощенных в слове предметов, расселенных в пространстве, созданном творческой волею и силой художника, есть не меньшая индивидуальность, чем слово» [Чудаков, 1992, с. 5]. Авторству А.П. Чудакова принадлежат статьи, посвященные поэтике А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Наиболее известен А.П. Чудаков как исследователь творчества А.П. Чехова, именно ему посвящено самое большое количество работ литературоведа, основными из них являются «Поэтика Чехова», «Мир Чехова: Возникновение и утверждение», «Антон Павлович Чехов: книга для учащихся».

Значимыми являются статьи А.П. Чудакова о литературоведах: В.В. Виноградове, А.А. Потребне, В.Б. Шкловском, комментарии к работам В.В. Виноградова, Ю.Н. Тынянова, а также воспоминания об ученых, т.к. они содержат не только исторический научный материал, но и выполняют важную нравственную задачу: в них запечатлен целостный облик личности ученого и интеллигента. Мемуары о В.В. Виноградове, В.Б. Шкловском, С.М. Бонди, дополненные такими именами, как М.М. Бахтин и Л. Гинзбург, - замысел А.П. Чудакова, который он не успел осуществить. Не успел он также завершить работу над составлением библиографического списка критических статей, вышедших при жизни А.П. Чехова, написать тотальный комментарий к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», опубликовав лишь свою статью «К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина».

Таланты А.П. Чудакова выходят за рамки научной сферы-он проявил себя, по общему мнению, еще и как одаренный писатель. Один из вопросов, на который наибольшее внимание обращали критики, - жанровая

проблематика книги А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Большинство из них считает произведение автобиографичным, настолько велико в нем оказалось средоточие правды и памяти, при этом одни отмечают, что в романе нет идиллических признаков (П. Вайль), не видят в произведении литературности (Р. Фрумкина), другие находят и литературность (А. Немзер), и черты идиллии (А. Долинин, А. Немзер, И. Булкина, А. Степанов). Многие критики склонны видеть в романе признаки робинзоны (Р. Фрумкина, П. Вайль, И. Булкина, Д. Харитонов), романа воспитания (А. Долинин, А. Степанов, Д. Харитонов), семейной хроники (А. Степанов), исторического романа (А. Степанов, И. Булкина) и других жанров.

Действительно, автобиографический материал – стержень произведения, однако его нельзя назвать лишь мемуарным романом. Произведение А.П. Чудакова представляет собой соединение различных жанров, художественности и документальности, так как «среди тенденций современного этапа жанровой эволюции следует выделить стирание границ между фиктивным и документальным повествованием» [Маркова, 2011]. Вместе с тем, несмотря на резко возросший в XX веке интерес к документальности, а связь между трагическими событиями истории России и бурным развитием художественно-документальной прозы прослеживается (история литературы знает несколько периодов, для которых это явление было характерным), вопросы существующей терминологии литературы с главенствующим документальным началом, до сих пор не имеющей научного статуса, а также границ ее жанров являются предметом литературоведческих дискуссий.

Книга написана полнокровным разноуровневым художественным языком, в котором отражены различные социальные пласты: это и язык интеллигенции – старой дворянской и советской, и стенография народной речи, в тексте мы находим также вкрапления научной лексики. (Исследование языка романа-идиллии заслуживает отдельного изучения и

подробного рассмотрения). В произведении «Ложится мгла на старые ступени» присутствуют и вымысел (например, полностью вымышлены первая и последняя главы), и признаки идиллического – и это не только те черты, которые отметили критики: «оазис», дивная природа города Чебачинска и его населенность интеллигентами; сохраненная и созданная семьей Саввиных-Стремоуховых культура –духовная и материальная; идиллический авторский взгляд на мир – «спокойный, мужественный, благорасположенный», что происходит благодаря подчеркиванию автором «огромного значения малого, случайного, частного, которое он по-чеховски «выравнивает» с крупномасштабными трагическими событиями исторического времени и с вечной красою равнодушной природы» [Долинин, 2005].

На наш взгляд, в слове «идиллия» в названии произведения –мягкая, лирическая, грустная, чеховская ирония, которая заключена в изображении мирной, благоустроенной жизни семьи Саввиных- Стремоуховых на фоне трагических исторических событий. Книга по праву названа романом, то есть эпической формой, о чем свидетельствует представленная в романе широкая картина жизни общества, полнота охвата времени. Таким образом, произведение «Ложится мгла на старые ступени» правомерно отнести к художественно- документальному жанру.

Сам А.П. Чудаков писал в дневнике: «...Это будет последний роман-идиллия – ностальгия по доиндустриальной эпохе, но не патриархальной, как у Ф. Искандера, а русско-интеллигентски-патриархальной, осколок дворянского XIX века» [Чудаков, 2014, с. 544].

В книге через воспоминания показана судьба целого народа в один из самых тяжелых периодов Российской истории, отображен широкий исторический и бытовой фон, но наиболее детально рассматривается автором жизнь представителей русской интеллигенции в XX веке.

В романе представлены три поколения интеллигентов семьи Саввиных-Стремоуховых, ведется речь и о ссыльной интеллигенции, в портретах которых, их жизни и деятельности автор раскрывает черты интеллигента и показывает воплощение одного из главных предназначений интеллигенции – сохранять лучшие традиции и черты народа, как можно шире распространяя их в обществе.

Роман-идиллия А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» по праву может быть назван энциклопедией русской жизни XX века. Это – «целая энциклопедия людей, вещей, ситуаций эпохи» [Чудаков, 2014, с. 575]. В романе представлен определенный социально-политический период: ссыльные, военные и послевоенные годы (30-е, 40-е, 50-е). Однако повествование не ограничено рассказом лишь об упомянутом времени, в романе слышен и голос XIX века (в частности, он отражен в образах деда и бабушки Антона), охвачена большая часть XX века (московские главы, рассказы о дочери и внучке). В произведении ярко воссоздана культурная атмосфера: официально советская, неофициальная народная, культурное наследие XIX века. Особое место в романе занимает описание быта. Показательной в этом отношении является глава «Натуральное хозяйство XX века». «В этой стране, чтобы выжить, все должны были уметь делать все». Члены семьи Саввиных-Стремоуховых, действительно, «выращивали и производили все: «умели столярничать, шить, вязать, копать, стирать, работать серпом и вилами», варили мыло, пекли хлеб, занимались кожевенным производством и даже самостоятельно изготовили медицинский градусник. Благодаря уникальной памяти автора воспроизведено множество подробностей, тонкостей, деталей. На предметной составляющей в романе-идиллии делается сильный акцент. Предметы раскрывают характер эпохи, обладают историко-бытовой функцией, что свидетельствует о научной энциклопедичности и добросовестности автора, о точности и исследовательском подходе в художественном изображении русской жизни.

Таким образом, роман-идиллия А.П. Чудакова – это не субъективная автобиография одного человека, а биография нескольких поколений, художественный образ уходящей России, который удалось запечатлеть словесно. То, что видел, слышал, помнил герой, важнее его самого.

Подробно описанный вещный мир в романе-идиллии соотносится с литературоведческим интересом А.П. Чудакова к предметному миру русской классической литературы, с особым отношением филолога к творчеству А.П. Чехова, вниманием к деталям.

Связывая особенности повествовательной манеры А.П. Чехова, исследованные литературоведом в работе «Поэтика Чехова», с переходом повествования в книге «Ложится мгла на старые ступени» от первого лица к третьему, можно сделать вывод, что в романе рассказчик «персонифицируется», присутствует «физически» (первое лицо) и вместе тем отстраняется, становится условным (третье лицо).

Масштабность, всеохватность описанного в романе ассоциируется со стремлением «освоить все печатные отклики» критиков на сочинения А.П. Чехова, «проштудировать всю «малую» и пред- и околочеховскую прозу» [Немзер, 2005], с идеей «тотального комментария» к «Евгению Онегину», а также с интересом А.П. Чудакова к миру писателя и миру каждого человека – что отразилось на наличии в романе множества историй.

О важности для А.П. Чудакова темы памяти свидетельствуют и его роман-идиллия, и комментарии к работам выдающихся филологов, и воспоминания об ученых.

Образ провинции как «холодильника», в коротком хранятся отвергнутые центром обычаи, умения, речевые обороты и «простые предметы», прямо соотносится с идеей о «малой прессе», представляющей собой хранилище временно утративших актуальность жанров или стилевых тенденций [Немзер, 2005].

Мысль о том, что «формирование человеческой личности» происходит в детстве объединяет роман-идиллию «Ложится мгла на старые ступени» и биографию А.П. Чехова, написанную А.П. Чудаковым.

Более того, в романе в лице главных героев (Антоня, деда) представлен образ интеллигента «чеховского типа»: натура, совмещающая интеллектуальную и физическую деятельность – таким был А.П. Чехов, таким был и А.П. Чудаков.

Итак, роман-идиллию А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» можно рассматривать как энциклопедию жизни русской интеллигенции XX века. Различные умения и навыки, выработанные трагической советской историей XX века, выстраивают в романе картину бытовой повседневности середины прошлого века не только высланной интеллигенции, но послевоенной советской жизни. В бытовой контекст романа вписан исторический, представленный одним из самых тяжелых периодов Российской истории: репрессии, высылки, войны XX века, а также всевозможные лишения и ограничения. Представлены в романе и многочисленные фольклорные вкрапления - официальный, используемый в виде идеологической пропаганды, и собственно фольклор, выражающий неподконтрольное власти восприятие человеком событий XX века. Представленные в романе-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» воспоминания реальных и вымышленных очевидцев ставят роман А.П. Чудакова в ряд ценных свидетельств времени, позволяющих изучить и осознать историю, культуру и быт XX века.

Список используемой литературы

1. Абрамов А., Айзенберг М., Балина М., Гандлевский С., Гудков Л., Клевх И., Либкин О., Лурье С., Работнов Н., Чудаков А. // Литература по fiction: вымыслы и реальность // Новое «Знамя». 1986-2006: Антология. – М.: Знамя; Время, 2006. – С. 362-387.
2. Александр Павлович Чудаков. Сборник памяти. / сост. С.Г. Бочаров, И.З. Сурат, при участии М.О. Чудаковой. – М.: Знак, 2013. – 426 с., [16] л. ил., цв. ил., портр.
3. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция// русская мысль. 1904. № 12. С. 80–88, 2-я паг.
4. Бочаров С. Синяя птица Александра Чудакова [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. -№5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/chu18.html>
5. Булкина И. История внука века [Электронный ресурс] // Знамя. – 2012.- №8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/8/b12.html>
6. Вайль П. Робинзон Чудаков [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2008. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/01/vay.html>
7. (Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 156–157).
8. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр. тр./ отв. ред. тома Г.В. Степанов, А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1980. – 360 с.,
9. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избр. тр./отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1976. – 511 с.
10. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей : От Карамзина до Гоголя : Избр. тр./отв. ред. Д.С. Лихачев, А.П. Чудаков; послесл. А.П. Чудакова – М.: Наука, 1990. – 386, [2] с.
11. Водовозов В.В. Интеллигенция // Новый энциклопедический словарь. Т. 19. СПб., 1912. С. 537.
12. Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера// Вопросы литературы. – 1970. –№7.

13. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе //Лидия Яковлевна Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т2, стр. 46 – М. «Русский язык», 1998
15. Долинин А. Памяти А.П. Чудакова [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. -№5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/do12.html>
16. Елисеев Н. Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени [Электронный ресурс] // Нов. Русск. книга. – 2002. -№1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/elis.html>
17. Жолковский А.К. Антонов огонь [Электронный ресурс] // Нов. русск. книга. – 2002.- №2(13). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/2/zholk.html>
18. Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. - М., 1990.
19. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Изд. 4-е. Т. 1. СПб., 1914. С. 17.
20. Колпаков А.Ю. «Большой роман» об интеллигентном герое как жанровая разновидность русской романистики: к постановке проблемы// Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41)
21. Кривопалова Н.Ю. Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии.- Интеллигенция и мир.-2008.-с.26-46.
22. Лапушин Р. «Живая свежесть» (К поэтике романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени») // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XXII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М.: Водолей, 2009. – С.381-399.

23. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреева, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
24. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции/ Новый мир.-1993.-№2
25. Манн Ю. Скорбь и благодарность [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005.- №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/mann.html>
26. Маркова Д. Синтез ядра [Электронный ресурс] // Знамя. – 2010.- №6. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/6/m14.html>
27. Маркова Т. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания [Электронный ресурс] // Вопр. Литературы. – 2011.- №1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1/ma15.html>
28. Марченко А.В. В начале жизни школу помню я [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2001.- №5. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/5obz_/mar.html
29. Матвеев Г.А. Об основных вехах эволюции понятия «интеллигенция» в отечественной общественной мысли // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Иваново, 1996.
30. Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. – М.: Совпадение, 2007.
31. Местергази Е.Г. Специфика художественной образности в «документальной литературе»// Филологические науки. – № 1, – 2007.
32. Муравьев В.С. Документальная литература // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
33. Муравьев В.С. Литературная энциклопедия терминов и понятий/ Под ред. А.Н. Николютина. – Москва: НРК Интелвак, 2001.

34. Немзер А. Как сохранилась Россия [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2002.- №1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/1/nemz.html>
35. Немзер А. Мир Чудакова [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005.- №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne20.html>
36. Орлова А. Мариэтта Чудакова о муже и авторе романа «ложится мгла на старые ступени» [Электронный ресурс] // Татьянин день. – 2012. – Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1539262.html>
37. Палиевский П.В. Роль документа в организации художественного целого//Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. – М., 1971. Т.1.
38. Паперный В. В поисках утраченного [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. - №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/pape16.html>
39. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий/ Гл.науч.ред.Н.Д. Тamarченко. – Москва: Издательство Кулагиной; Intrada,2008. –358 с.
40. Ранчин А. Вещный мир литературы в интерпретации А.П. Чудакова [Электронный ресурс] // Литература. – 2007. - №12. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200701218>
41. Рейфилд Д. «Он к величаниям не привык...» [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2006. - №1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/re3.html>
42. Саввина А.И. Работа над чеховской библиографией под руководством А.П. Чудакова // Тыняновский сборник. Выпуск 12: X –XI –XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М: Водолей Publishers, 2006. – С.570-576.
43. Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. Учебное пособие. – Гродно: ГрГУ, 2002.

44. Смолярова Т. Расстояние [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/smo15.html>

45. Соболев Л. Остаются книги [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/so14.html>

46. Современная русская литература: Элективный курс: Учебное пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений // Под ред. проф. Б.А. Ланина. – М.: Вентана-Граф, 2005. – 336 с.

47. Солженицын А. В сб: Из-под глыб. М. 1974. – С. 219 – 220.

48. Солженицын А. Образованщина // Новый мир, 1991. – С.43.

49. Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А.Чудакова // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII –XIII –XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М: Водолей, 2009. – С.400-411.

50. Сурат И. Слово и мир Александра Чудакова [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/su17.html>

51. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. Б.А. Каверин, А.С. Мясников; подг. изд. и комм. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. – М.: Наука, 1977. – 576 с.

52. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. –С. 69, 71.

53. Харитонов Д. Буккер после бури. 04.12.2011 [Электронный ресурс] // Новая газета. Выпуск № 136 от 5 декабря 2011. – Режим доступа: <http://www.novayaqazeta.ru/arts/49833.html>

54. Чеховиана . «Три сестры». 100 лет / Рос. акад. наук. Научн. совет по истории мировой культуры. Чехов. комис.; Редкол.: А.П. Чудаков (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2002. – 381, [1] с.

55. Чеховиана. Чехов и «серебряный век» : [Сб.ст] / Рос. Акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Чехов. комис.,; [Редкол.: А.П. Чудаков (отв.ред.) и др.]. – М.: Наука, 1996. – 319, [1] с.
56. Чеховский сборник / отв. ред. А.П. Чудаков. – М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1999. – 238, [1] с.
57. Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов : Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1987. – 174, [1] с.
58. Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. – М.: Время, 2013. – 2-е изд. – 256 с., илл. – («Диалог»)
59. Чудаков А.П. Бахтин о «Поэтике Чехова». Публикация и подготовка текста М. Чудаковой // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII –XIII –XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М: Водолей, 2009. – С. 595-603.
60. Чудаков А.П. В.В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр.тр. /отв. ред. тома Г.В. Степанов, А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1980. – С. 285-315.
61. Чудаков А.П. Из дневников, записных книжек, писем // Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М: Время, 2014. – С. 501-640.
62. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. // Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М: Время, 2014. – 640 с., ил. – 9-е изд., стереотип. – (Серия «Самое время!») (С. 7-500).
63. Чудаков А.П. «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле...» Чехов и вера [Электронный ресурс] // Новый Мир. – 1996. – №9. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html
64. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – М.: Советский писатель, 1986. – 379, [5] с.: портр.
65. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1971. – 291 с.

66. Чудаков А.П. Предметный мир литературы (К проблемам категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 251-292.

67. Чудаков А.П. Разговариваю с Гинзбург [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2001. - №3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/chud.html>

68. Чудаков А.П. Ранние работы В.В. Виноградова о поэтике русской литературы// Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избр. тр. / отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков – М.: Наука, 1976. – С. 465-481.

69. Чудаков А.П. Слово-вещь-мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков. – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.

70. Чудаков А.П. Чехов в Таганроге. Лит. хроника. – М.: Правда, 1987. – 48 с.

71. Чудаков А.П. Язык русской литературы в освещении В.В. Виноградова // Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя: Избр. тр. / отв. ред. Д.С. Лихачев, А.П. Чудаков; послесл. А.П. Чудакова. – М.: Наука, 1990. – С. 331-352.

72. Чудаков А. Слушаю. Учусь. Спрашиваю. Три мемуара. Сеул, 1999.

73. Чудакова М.О. «Роман до сих пор многие называют мемуарами. Автора это огорчало» (интервью) [Электронный ресурс] // Известия. – 1.12.2011. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/508361>

74. Чужак Н. Литература жизнестроения (исторический пробег)//Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа/Под ред. Н.Ф. Чужака. – М.,1929.

75. Чумаков Ю. Воспоминания и размышления об Александре Чудакове [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2005. - №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/chum19.html>

76. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914-1933) / предисл. А.П. Чудакова, коммент. и подгот. текста А.Ю. Галушкина. – М.: Сов. писатель, 1990. – 544.

77. Щеглов Ю.К. Памяти А.П. Чудакова // Тыняновский сборник. Выпуск 12: X–XI–XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М.: Водолей Publishers, 2006. – С. 577-581.

78. Энциклопедический словарь юного литературоведа: [для среднего и старшего школьного возраста]. – Москва: Педагогика-Пресс, 1998. – 424 с.

79. Яранцев В. Лабиринты и отражения– 5 (О литературе и не только современной) [Электронный ресурс] // Сибирские огни. – 2013. - №1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/sib/2013/1/ia14.html>

Список видеозаписей

1. «Экология литературы», автор: Лев Соболев, режиссер: Елена Дарова, ООО «Школьник ТВ» по заказу ГТРК «Культура», ГТРК «Культура», 2002.